

ROALD DAHL

РОАЛЬД
ДАЛЬ

Ночная гостя

АЗБУКА-КЛАССИКА

Азбука-классика

Роальд Даль

Ночная гостья (сборник)

«Азбука-Аттикус»

1974, 1979

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Даль Р.

Ночная гостья (сборник) / Р. Даль — «Азбука-Аттикус»,
1974, 1979 — (Азбука-классика)

ISBN 978-5-389-13520-8

Роальд Даль – один из лучших рассказчиков нашего времени, выдающийся мастер черного юмора, адепт воинствующей чистоплотности и нежного человеконенавистничества. За свою долгую жизнь он успел послужить в военной авиации, написать несколько киносценариев, в том числе для Уолта Диснея, и множество книг, пользовавшихся феноменальным успехом у детей и взрослых (например, такую классическую повесть, как «Чарли и шоколадная фабрика»). Вашему вниманию предлагаются четыре не менее классические повести о любви и смерти, впервые опубликованные в журнале Playboy, а также восемь поздних рассказов, объединенных под заголовком «Новые невероятные истории». Теперь вы никогда не забудете, чем чревата остановка в пустыне и что скрывает аромат одеколона с манящим названием «Сука»...

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-13520-8

© Даль Р., 1974, 1979
© Азбука-Аттикус, 1974, 1979

Содержание

«Сука»	6
Ночная гостья	6
Сделка	35
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Роальд Даль

Ночная гостя (сборник)

Roald Dahl

SWITCH BITCH

Copyright © Roald Dahl Nominee Ltd, 1974

THE UMBRELLA MAN

MR BOTIBOL

VENGEANCE IS MINE INC.

THE BUTLER

AH, SWEET MYSTERY OF LIFE

THE BOOKSELLER

THE HITCHHIKER

THE SURGEON

Copyright © Roald Dahl Nominee Ltd, 1979

All rights reserved

© И. Богданов (наследники), перевод, 2017

© М. Пчелинцев (наследники), перевод, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус»», 2017

Издательство АЗБУКА®

***

Великий кудесник.

Spectator

Право же, тут мало сказать, что Рояльд Даль остроумнее прочих английских комедиографов (понятно, что по сравнению с ним какой-нибудь Вудхаус или Том Шарп курят в стороне); в далевских сюжетах есть какая-то сорокинская или даже, пожалуй, сергей-шнуровская дикость...

Лев Данилкин

(Афиша)

Роальд Даль – выдающийся рассказчик, славящийся именно что своей непредсказуемостью: никогда не знаешь, кто в итоге возьмет верх – злодей или жертва злодейства.

The Telegraph

В короткой форме Проальд Даль ничуть не уступает О. Генри – так же мастерски приковывает внимание читателя и приберегает под конец такой же убийственный сюрприз.

Financial Times

Роальд Даль – один из тех немногих авторов, чьи книги вызывают привыкание сродни наркотическому. В его историях бьется нерв особого, неповторимого злорадства, тем более эффектного, что проистекает оно из, казалось бы, малозначительных, почти незаметных, будничных вещей. Результат – черный юмор самого утонченного толка.

Irish Times

«Сука» Повести

Ночная гостья

Недавно служащий отдела доставки железнодорожной компании принес мне большой деревянный ящик, прочный и умело сколоченный. Он был темно-красного цвета, возможно, что и из красного дерева. Я с большим трудом отнес ящик в сад, поставил на стол и тщательно его осмотрел. Надпись, сделанная по трафарету на одной из сторон, гласила, что ящик доставлен морем из Хайфы на борту торгового судна «Падающая звезда», однако ни фамилии, ни адреса отправителя мне не удалось обнаружить. Я попытался было вспомнить, не живет ли кто в Хайфе или где-то в тех краях, кому вздумалось бы послать мне дорогой подарок. Ничье имя не приходило мне в голову. Я медленно побрел к сараю, погрузившись в глубокие раздумья. Возвратившись с молотком и отверткой, я принялся осторожно открывать крышку ящика.

Верите ли, ящик оказался полным книг! Удивительных книг! Я их вынул одну за другой (не заглядывая ни в одну из них) и сложил на столе в три высокие стопки. Всего оказалось двадцать восемь томов, очень красивых. Все в одинаковых роскошных переплетах из зеленого сафьяна, а на корешках золотом вытиснены инициалы «О. Х. К.» и римские цифры (от I до XXVIII).

Я взял первый попавшийся том – им оказался шестнадцатый – и раскрыл его. Нелинованные белые страницы были исписаны аккуратным мелким почерком черными чернилами. На титульном листе было написано «1934». И ничего больше. Я взял другой том – двадцать первый. Он был исписан тем же почерком, однако на титульном листе стояло «1939». Я положил его и вытащил том один, надеясь найти в нем какое-нибудь предисловие или хотя бы узнать фамилию автора. Однако вместо этого под обложкой я обнаружил конверт. Конверт был адресован мне. Я вынул из него письмо и быстро взглянул на подпись. Подпись гласила: «Освальд Хендрикс Корнелиус».

Так, значит, книги прислал дядюшка Освальд!

Уже больше тридцати лет никто из членов семьи не имел известий от дядюшки Освальда. Это письмо было датировано 10 марта 1964 года. До сих пор мы могли лишь предполагать, что он еще жив. О нем ничего не было известно, кроме того, что он жил во Франции, много путешествовал и был богатым холостяком с несносными, но изящными привычками и упорно не желал вступать в какие-либо контакты со своими родственниками. Все прочее относилось к области слухов и молвы, но слухи были столь живописны, а молва столь экзотична, что Освальд давно уже для всех нас стал блестящим героем и легендой.

«Мой дорогой мальчик, – так начиналось письмо, – думаю, что ты и три твои сестры – мои самые близкие родственники по крови из числа оставшихся в живых. А потому вы являетесь моими законными наследниками, и, поскольку я не составил завещания, все, что я оставляю, когда умру, будет вашим. Увы, но оставить мне нечего. Когда-то у меня было довольно много чего, а тот факт, что недавно я от всего избавился так, как считал нужным, не должен тебя интересовать. В качестве утешения, впрочем, посылаю тебе мои личные дневники. Думаю, что они должны сохраниться в семье. Они охватывают лучшие годы моей жизни, и тебе не повредит, если ты их прочтешь. Но если ты станешь показывать их всем

подряд или будешь давать читать незнакомым людям, то тем самым можешь навлечь на себя неприятности. Если ты опубликуешь их, тогда, как мне представляется, придет конец и тебе, и твоему издателю одновременно. Ты должен запомнить, что тысячи упоминаемых мною в дневниках героинь живы и поныне и, стоит тебе совершить такую глупость, как очернить их белоснежную репутацию, они позаботятся о том, чтобы твою голову живо доставили им на подносе, и, дабы воздать тебе полной мерой, велят поместить ее в духовку. Посему будь осторожен. Я встречался с тобой лишь однажды. Это было много лет назад, в 1921 году, когда твоя семья жила в этом огромном жутком доме в Южном Уэльсе. Я был для тебя взрослым дядей, а ты – очень маленьким мальчиком, лет пяти. Не думаю, что ты помнишь эту вашу молоденькую служанку-норвежку. Удивительно опрятная была девушка, стройная и очень изящная даже в своей форменной одежде с этим нелепым накрахмаленным передником, скрывавшим ее чудесную грудь. В тот день, когда я у вас гостил, она собралась с тобой в лес за колокольчиками, и я спросил, нельзя ли и мне пойти с вами. А когда мы углубились в лес, я сказал тебе, что дам шоколадку, если ты сам сможешь отыскать дорогу домой. И тебе это удалось (см. том III). Ты был разумным ребенком. Прощай,
Освальд Хендрикс Корнелиус.

Неожиданное появление дневников вызвало в семье немалое волнение, и всем не терпелось побыстрее их прочесть. Мы не были разочарованы. Вещь оказалась удивительной – веселой, остроумной, волнующей, а подчас еще и довольно трогательной. Этот человек обладал невероятной энергией. Он всегда двигался – из города в город, из страны в страну, от женщины к женщине, а переходя от одной женщины к другой, ловил пауков в Кашмире или же разыскивал голубую фарфоровую вазу в Нанкине. Но женщины были прежде всего. Куда бы он ни отправлялся, он оставлял за собою нескончаемый хвост из женщин, рассерженных и очарованных до такой степени, что и словами не выразить, при этом все они мурлыкали, как кошки.

Одолеть двадцать восемь томов по триста страниц каждый – огромный труд, и едва ли найдется много писателей, которые могли бы удержать внимание читательской аудитории на протяжении столь долгого пути. Освальду, однако, это удалось. Его повествование, похоже, ни в одном месте не утрачивало пикантности, темп редко замедлялся, и любая запись, длинная или короткая, о чем бы ни шла речь, почти непременно становилась захватывающей историей, вполне законченной. А в финале, когда была прочитана последняя страница последнего тома, у читателя возникало просто поразительное чувство, что это, пожалуй, один из интереснейших автобиографических трудов нашего времени.

Если прочитанное рассматривать исключительно как хронику любовных похождений мужчины, то, без сомнения, с этими дневниками ничто не может тягаться. «Мемуары» Казановы в сравнении с ними читаются как церковно-приходский журнал, а сам знаменитый любовник рядом с Освальдом представляется едва ли не импотентом.

Что до возбуждения общественного мнения, то каждая страница дневников казалась взрывоопасной; тут Освальд был прав. Но он решительно был не прав, полагая, будто организацией взрывов будут заниматься только женщины. А как же их мужья, эти роконосы, униженные до состояния побитых воробушков? Вообще-то, роконосец, если его задеть, превращается в самую настоящую хищную птицу, и они тысячами стали бы выпархивать из кустов, если бы дневники Корнелиуса увидели свет в полном виде при их жизни. О публикации, следовательно, не могло быть и речи.

А жаль. Так, по правде говоря, жаль, что я подумал: что-то все равно надо сделать. Поэтому я снова засел за дневники и перечитал их от корки до корки в надежде отыскать хотя бы одну законченную запись, которую можно было бы опубликовать, не вовлекая ни издателя, ни себя в серьезную тяжбу. К своей радости, я нашел по меньшей мере шесть таких записей. Я показал их юристу. Тот сказал, что их можно рассматривать как «безопасные», но гарантировать он ничего не может. Одна запись под заглавием «Происшествие в Синайской пустыне» показалась ему «безопаснее» пяти других.

Вот почему я решил начать именно с этой записи и, не откладывая, публикую ее вслед за этим небольшим предисловием. Если все пойдет хорошо, тогда, быть может, выпущу в свет еще парочку фрагментов.

Запись о синайском происшествии взята из последнего, XXVIII тома и датируется 24 августа 1946 года. По сути, это самая последняя запись последнего тома, последнее, что написал Освальд, и у нас нет сведений, куда он затем направился и чем занялся. Об этом можно только догадываться. Сейчас вы подробнейшим образом ознакомитесь с самой записью, но прежде всего, дабы облегчить вам понимание некоторых поступков и реплик Освальда, позвольте мне рассказать немного о нем самом. Из множества признаний и откровенных высказываний, содержащихся в этих двадцати восьми томах, вырисовывается довольно четкий портрет автора дневников.

Во время синайского происшествия Освальду Хендриксу Корнелиусу был пятьдесят один год. Разумеется, он никогда не был женат. «Боюсь, – имел он обыкновение говорить, – что я наделен или, лучше сказать, обременен характером человека необыкновенно разборчивого».

В некоторых отношениях это справедливо, но в прочих – и в особенности что касается женитьбы – подобное утверждение попросту противоречит истине.

На самом деле Освальд отказывался жениться только лишь потому, что никогда в жизни ему не удавалось уделить одной отдельно взятой женщине больше внимания, чем требовалось для того, чтобы покорить ее. Обольстив ее, он тотчас же терял к ней интерес и принимался оглядываться по сторонам в поисках очередной жертвы.

Для нормального мужчины это не причина, чтобы оставаться одиноким, но Освальд не был нормальным мужчиной. Даже с точки зрения полигамии он не был нормальным. Откровенно говоря, он был до того распутным и неисправимым волокитой, что ни одна женщина не смогла бы прожить с ним и нескольких дней после свадьбы, не говоря уже о столь продолжительном периоде, как медовый месяц, хотя, видит бог, немало было и таких, кто не прочь был бы рискнуть.

Он был высок и худощав, и что-то в его наружности изобличало в нем эстета. Голосом он говорил тихим, манеры имел учтивые и на первый взгляд был похож скорее на камергера королевы, нежели на известного повесу. Он никогда не обсуждал свои любовные похождения с другими мужчинами, и незнакомец, доведись ему провести с ним в разговорах целый вечер, так и не сумел бы углядеть в ясных голубых глазах Освальда ни малейшего намека на неискренность. Словом, он являл собой именно тот тип мужчины, на котором тревожащийся за свою дочь отец, скорее всего, остановит выбор и попросит проводить ее домой.

Но стоило Освальду оказаться рядом с женщиной, которая была ему интересна, как во взоре его тотчас же происходила перемена и в самом центре каждого зрачка начинали медленно плясать маленькие, предвещающие опасность искорки. Он пускался в разговор неприкрытый, откровенный и такой остроумный, какого с ней еще никто не вел. Это был дар, выдающийся талант, и когда он решительно брался за дело, то слова его мало-помалу обволакивали слушательницу, покуда та не попадала под их неошутимое гипнотическое действие.

Но женщин очаровывало не только прекрасное умение вести беседу или выражение его глаз. Еще у него был необыкновенный нос. (В четырнадцатый том Освальд не без удовольствия включил присланную ему некой дамой записку, в которой та подробнейшим образом описывает свои впечатления на сей счет.) Все дело в том, что, когда Освальд возбуждался, нечто странное начинало происходить с его ноздрями: кончики их напрягались, сами ноздри заметно расширялись, увеличивая носовые отверстия и обнажая ярко-красную слизистую оболочку. Впечатление возникало странное, будто во внешности его появлялось что-то жестокое, зверское, и, хотя на бумаге это кажется не таким уж привлекательным, на дам его нос действовал завораживающе.

Почти всех женщин без исключения тянуло к Освальду. Во-первых, это был мужчина, который ни за что на свете не соглашался кому-либо принадлежать, и это автоматически делало его желанным. Добавьте к этому необыкновенное сочетание первоклассного ума, море обаяния и репутацию человека, отличающегося чрезмерной неразборчивостью в связях, – вот вам и весь секрет притягательности.

И еще. Оставим на минуту его беспутство и сомнительную репутацию; надо сказать, что в характере Освальда был и ряд других качеств, которые делали его вполне привлекательной личностью.

Очень мало было такого, к примеру, чего бы он не знал касательно итальянской оперы девятнадцатого столетия. Он предложил вниманию читателей прелюбопытный свод сведений из жизни трех композиторов – Доницетти, Верди и Понкьелли¹. В нем он перечислил по именам всех более или менее значительных любовниц, которых они имели в своей жизни, и далее серьезнейшим образом проанализировал связь между творческой и плотской страстями, а также влияние одной на другую, особенно в творчестве упомянутых композиторов.

Китайский фарфор был еще одним его увлечением, и в этой области Освальд являлся признанным международным авторитетом. Особую любовь он питал к голубым вазам цзиньяо, и у него было небольшое, но изысканное собрание этих предметов.

Еще он собирал пауков и трости.

Его коллекция пауков, или, точнее, паукообразных, ибо она включала скорпионов и прочих членистоногих, была настолько полной, насколько полным может быть немусейное собрание, а его знания сотен отрядов и видов паукообразных впечатляли. Он, между прочим (и видимо, справедливо), утверждал, что паутина превосходит по качеству шелковую нить обыкновенного шелкопряда, и никогда не носил галстук из какого-либо другого материала. Всего у него было около сорока таких галстуков, и, чтобы иметь их еще больше и получить возможность присовокуплять к своему гардеробу по два новых галстука ежегодно, ему приходилось держать в старой оранжерее в саду своего загородного дома под Парижем тысячи и тысячи *arana* и *epeira diademata* (обыкновенных английских садовых пауков). Там они плодились и размножались приблизительно с той же быстротой, с какой пожирали друг друга. Он сам собирал сырую нить (да никто другой и не вошел бы в эту мрачную оранжерею) и отсылал ее в Авиньон, где ее сматывали, скручивали, обезжиривали, красили и ткали из нее материю. Из Авиньона материя отправлялась непосредственно в компанию «Сулка», где были в восторге от такого редкого и замечательного материала.

– Неужели вам и вправду нравятся пауки? – спрашивали Освальда посещавшие его женщины, когда он демонстрировал им свою коллекцию.

– О, я их просто обожаю, – отвечал он. – Особенно самок. Они так мне напоминают кое-кого из моих знакомых женщин. Они напоминают мне моих самых любимых женщин.

– Какая чушь, дорогой.

– Чушь? Вовсе нет.

---

¹ А. Понкьелли (1834–1886) – итальянский композитор. Самое известное произведение – опера «Джоконда» (1876).

– Это звучит довольно оскорбительно.

– Напротив, моя дорогая, это самый большой комплимент, который я могу сделать. Известно ли тебе, к примеру, что самка паука столь яростно предается любви, что самцу, можно считать, повезло, если ему удастся в конце концов живым унести ноги? Чтобы остаться целым и невредимым, он вынужден проявлять необыкновенное проворство и редкостную изобретательность.

– Ты уж скажешь, Освальд!

– А самка морского паука, моя милая, эта крошечная букашечка, столь опасна в своей страсти, что ее любовнику, прежде чем он осмелится обнять ее, приходится связывать ее с помощью замысловатых узлов и петель...

– О, прекрати сейчас же, Освальд! – воскликнет женщина, и глаза ее засверкают.

Собрание тростей Освальда – это опять же нечто особенное. Каждая из них прежде принадлежала какому-либо гению или злодею, и Освальд хранил их в своей парижской квартире, где они стояли двумя длинными рядами вдоль стен коридора (впрочем, не лучше ли сказать, улицы?), который тянулся от гостиной к спальне. Над каждой тростью была укреплена табличка из слоновой кости с именами Сибелиуса, Мильтона, короля Фарука, Диккенса, Робеспьера, Пуччини, Оскара Уайльда, Франклина Рузвельта, Геббельса, королевы Виктории, Тулуз-Лотрека, Гинденбурга, Толстого, Лавалья, Сары Бернар, Гёте, Ворошилова, Сезанна, Тодзио... Всего их было, наверное, больше сотни, некоторые очень красивые, иные – весьма обыкновенные, одни с золотыми или серебряными набалдашниками, а другие с изогнутыми ручками.

– Возьми трость Толстого, – говорил Освальд какой-нибудь своей хорошенькой гостье. – Ну же, возьми ее... так... а теперь... теперь нежно проведи ладонью по набалдашнику, который отполировала до блеска рука великого человека. Разве не передается тебе ощущение чего-то необычного, когда ты касаешься этой вещи?

– Да, пожалуй, что-то такое я испытываю.

– А теперь возьми трость Геббельса и сделай то же самое. Только возмись за ручку как следует. Крепко сожми ее всей ладонью... хорошо... а теперь... теперь обопрись на нее всем телом, обопрись сильнее, как делал этот уродец... так... вот так... теперь постой так с минутку, а потом скажи мне, не чувствуешь ли ты, как холодок ползет по твоей руке и леденит грудь?

– Мне страшно!

– Еще бы! Конечно страшно. Некоторые вообще сознание теряют. Просто грохаются без чувств.

В обществе Освальда никому не было скучно, и, наверное, именно это обстоятельство в большей степени, нежели какое-либо другое, являлось причиной его удач.

Теперь мы подходим к синайскому происшествию. В то время Освальд в продолжение месяца развлекался тем, что не спеша ехал на автомобиле из Хартума в Каир. У него была превосходная «лагонда»² довоенного выпуска, которую он на время войны тщательно упрятал в Швейцарии, и, как нетрудно вообразить, она была напичкана всякого рода новомодными приспособлениями. Накануне синайского происшествия (23 августа 1946 года) он прибыл в Каир и остановился в гостинице под названием «У Шепарда»³; в тот же вечер, предприняв несколько дерзких вылазок, он сумел заарканить некую мавританку, даму предположительно благородного происхождения, по имени Изабелла. Как выяснилось, она была любовницей не кого иного, как славившегося дурной репутацией – и еще более дурным нра-

---

² Очень дорогая машина производства английской компании «Астон Мартин».

³ Гостиница в Каире, построенная по проекту английского архитектора Дж. С. Кларка.

вом – члена королевской семьи (в то время в Египте еще была монархия), который следил за своей страстью донельзя ревниво. Ситуация складывалась типично освальдовская.

Но главные события были впереди. В полночь он отвез даму в Гизу и уговорил ее подняться вместе с ним при свете луны на самую вершину знаменитой пирамиды Хеопса.

«...В теплую ночь при полной луне невозможно сыскать место более безопасное, – писал он в дневнике, – а вместе с тем и более романтическое, чем верхняя точка пирамиды. Когда обозреваешь мир с большой высоты, прекрасный вид не только волнует кровь, но и придает уверенности в своих силах. Что же касается безопасности, то пирамида эта имеет в высоту ровно 481 фут, а это на 115 футов выше собора Святого Павла, и с ее вершины можно с величайшей легкостью следить за всеми подходами. Таких удобств не имеет ни один будуар на свете. Нигде нет и столь большого числа путей отступления, так что, случись появиться какому-нибудь нежелательному лицу, которое, пустившись в погоню, вздумает карабкаться по одной стороне пирамиды, нужно лишь тихо и незаметно спуститься по другой...»

Вышло так, что Освальд в ту ночь оказался на волосок от гибели. Во дворце, видимо, каким-то образом прослышали о его намерениях, ибо Освальд с освещенной луной вершины неожиданно увидел не одно, а три нежелательных лица, которые карабкались к нему с трех разных сторон. Впрочем, к счастью для него, у знаменитой пирамиды Хеопса оказалась четвертая сторона, и к тому времени, когда эти арабы-разбойники достигли вершины, двое влюбленных уже находились внизу и садились в машину.

Запись за 24 августа начинается как раз с этого места. Далее рассказ воспроизводится так, как его записал Освальд, слово в слово, с сохранением пунктуации, без каких-либо изменений, дополнений или изъятий.

«– Он голову отсечет Изабелле, если поймает ее, – сказала Изабелла.

– Ерунда, – ответил я, но про себя подумал, что, скорее всего, так и произойдет.

– Он и Освальду голову отсечет, – сказала она.

– Ну уж нет, моя дорогая, когда рассветет, меня здесь не будет. Я немедленно отправляюсь в Луксор, вверх по Нилу.

Мы быстро удалялись от пирамид. Было около половины третьего ночи.

– В Луксор? – переспросила она.

– Да.

– Изабелла едет с тобой.

– Нет, – отрезал я.

– Да, – сказала она.

– Я никогда не путешествую с дамой. Это противоречит моим принципам, – настаивал я.

Впереди я увидел какие-то огни. Это была гостиница «Менахаус», место, где туристы ночуют в пустыне, недалеко от пирамид. Я подъехал довольно близко к гостинице и остановил машину.

– Я тебя здесь оставляю, – сказал я. – Спасибо, мы отлично провели время.

– Значит, ты не возьмешь Изабеллу в Луксор?

– Боюсь, что нет, – сказал я. – Давай вылезай.

Она уже открывала дверцу и опустила одну ногу на землю, как вдруг резко обернулась и обрушила на меня поток грязных ругательств, изливавшийся, впрочем, довольно гладко; ничего подобного я не слышал из уст дамы с... дайте-ка подумать... с 1931 года, когда в Марракеше одна жадная старуха, герцогиня из Глазго, запустила руку в коробку с шоколадными конфетами и была укушена скорпионом, которого мне случилось туда положить для лучшей его же сохранности (том XIII, 5 июня 1931 года).

– Ты отвратительна, – сказал я.

Изабелла выскочила из автомобиля и хлопнула дверцей с такой силой, что машина подскочила на месте. Я быстренько умчался. Как хорошо, что удалось от нее избавиться. Не терплю в хорошенькой девушке дурных манер.

По дороге я то и дело поглядывал в зеркало заднего вида, но, похоже, никто меня не преследовал. Подъехав к окраине Каира, я двинулся боковыми улочками, стараясь не оказаться в центре города. Я совсем не волновался. Королевские ищейки вряд ли станут и дальше преследовать меня. Как бы то ни было, в моем положении было бы опрометчиво возвращаться в гостиницу «У Шепарда». Да в этом и не было нужды, поскольку весь мой багаж, за исключением небольшого баула, находился в машине. Я никогда не оставляю чемоданы в номере, когда выхожу вечером из гостиницы в чужом городе. Люблю иметь свободу для маневра.

Ехать в Луксор я, конечно же, не собирался. Теперь мне хотелось как можно скорее покинуть Египет. Что-то мне эта страна разонравилась. Да, если откровенно, никогда и не нравилась. Я не очень-то уютно здесь себя чувствую. Все дело, думаю, в том, что тут повсюду грязно и отвратительно пахнет. Однако давайте смотреть правде в глаза, это ведь действительно нищая страна; еще у меня есть сильное подозрение, хотя мне и не хотелось бы об этом говорить, что египтяне не так тщательно моются по сравнению с другими народами – за исключением, пожалуй, монголов. А то, что посуду они моют не так тщательно, как, мне кажется, следовало бы, это уж точно. Поверите ли, вчера за завтраком передо мной поставили чашку, на ободке которой красовался длинный, покрытый кофейной коркой отпечаток губ. Брр! Это было омерзительно! Я глядел на него и думал о том, чья же слюнявая губа касалась этой чашки до меня.

Я ехал по узким грязным улочкам восточных пригородов Каира. Я отлично знал, куда держу путь. Свой дальнейший маршрут я определил, не проехав с Изабеллой и полдороги от пирамид. Путь мой лежал в Иерусалим. Для меня это не бог весть какое расстояние, и к тому же этот город мне всегда нравился. Кроме того, это был кратчайший путь из Египта. Следовать я предполагал таким образом:

1. Из Каира в Исмаилию. Около трех часов езды. Как обычно, в дороге пою оперные арии. Прибытие в Исмаилию в 6–7 часов утра. Затем душ, бритье и завтрак.

2. В 10 часов утра пересекаю Суэцкий канал по Исмаилийскому мосту и еду по пустыне через Синайский полуостров к палестинской границе. В дороге ищу скорпионов в Синайской пустыне. На это уходит около четырех часов; к палестинской границе прибываю в 2 часа дня.

3. Оттуда направляюсь прямо в Иерусалим через Беэр-Шеву и прибываю в гостиницу «Царь Давид» как раз к коктейлю и обеду.

Прошло уже несколько лет с тех пор, когда я в последний раз ехал этой дорогой, но я до сих пор помню, что Синайская пустыня славится как замечательное место для ловли скорпионов. Мне позарез нужна была еще одна самка *opisthophthalmus*, притом большая. Имевшийся у меня экземпляр утратил пятый сегмент хвоста, и вследствие этого я испытывал за него некоторую неловкость.

Я недолго разыскивал главную дорогу в Исмаилию, а найдя ее, повел «лагонду» с привычной для нее скоростью – шестьдесят пять миль в час. Дорога была узкая, но гладкая; движения на ней не было никакого. При свете луны долина Нила казалась унылой и мрачной, по обеим сторонам дороги тянулись ровные безлесные поля, разделенные каналами, и, куда ни глянь, всюду черная земля. Словом, тоска невыразимая.

Впрочем, это на кого угодно могло подействовать, но только не на меня. В своей роскошной скорлупе я чувствовал себя в полной изоляции от окружающего мира; мне было в ней уютно, точно раку-отшельнику, только вот передвигался я чуточку быстрее. О, как я люблю быть в движении, стремясь к новым людям и новым местам и оставляя старые далеко

позади! Ничто на свете не доставляет мне большей радости. И как же я презираю обывателя, который селится на крохотном клочке земли со своей глупой женой, чтобы размножаться, подыхать с тоски и гнить там до конца жизни. Да еще с одной и той же женщиной! Не могу поверить, чтобы здравомыслящий мужчина мог изо дня в день, из года в год терпеть одну и ту же женщину. Некоторые, конечно, этого себе не позволяют. Но миллионы делают вид, будто им это нравится.

Сам я никогда, решительно никогда не допускал, чтобы связь длилась более двенадцати часов. Это предел. Даже восемь часов, по-моему, слишком. Взять хотя бы Изабеллу. Пока мы находились на вершине пирамиды, она выражала бурный восторг, точно доверчивый и игривый щенок, и, оставь я ее там на милость этих трех арабов-разбойников и смойся, все было бы хорошо. Но я зачем-то остался вместе с ней, помог ей спуститься вниз, и в результате красивая женщина превратилась в мерзкую визгливую ведьму, на которую смотреть тошно.

В каком мире мы живем! Нынче не дожدهшься благодарностей за великодушие.

«Лагонда» плавно двигалась в ночи. Настало время вспомнить какую-нибудь арию. Но вот какую? Моему душевному состоянию вполне отвечал Верди. Как насчет «Аиды»? Ну разумеется! Именно «Аида» – как-никак это ведь египетская опера!⁴ Она будет очень кстати.

Я начал петь. Голос у меня в тот вечер был исключительно хорош. Я разошелся. Все шло замечательно, и, проезжая через городок под названием Бильбейс, я ощущал себя самой Аидой, распевая «*Numei pieta*»⁵, этот дивный заключительный пассаж из первой сцены.

Спустя полчаса, в Эз-Заказике, я уже ощутил себя Амнерис и принялся умолять египетского короля спасти эфиопских пленников, напевая «*Ma tu, re, tu signore possente*»⁶.

Следуя через Эль-Аббасу, я сделался Радамесом и, исполняя «*Fuggiam gli adori nospiti*»⁷, открыл все окна автомобиля, дабы эта несравненная песнь любви долетела до слуха феллахов, храпевших в своих лачугах, стоявших вдоль дороги, – как знать, быть может, эта песнь явится им во сне?

Когда я въехал в Исмаилию, было шесть часов утра и солнце уже вскарабкалось высоко в молочно-голубое небо, а я меж тем пребывал в страшной темнице с Аидой, распевая «*O, terra, addio, addio valle di pianti*»⁸. Как быстро пролетела эта часть путешествия! Я подъехал к гостинице. Служащие как раз начали шевелиться. Я еще немного расшевелил их и заполучил лучший из имевшихся там номеров. Простыни и пододеяльники выглядели так, будто в постели двадцать пять ночей кряду спали двадцать пять немытых египтян; я собственноручно содрал эту грязь и, с помощью антисептического мыла и щетки отскоблив кровать, заменил собственным постельным бельем. Затем завел будильник и крепко проспал два часа.

На завтрак я заказал яйцо пашот с кусочком поджаренного хлебца. Когда блюдо подали – а должен вам сказать, у меня тошнота подступает к горлу даже сейчас, когда я пишу об этом, – в желтке моего яйца я увидел блестящий, выющийся иссиня-черный человеческий волос, трех дюймов длины. Это уже было слишком. Я выскочил из-за стола и выбежал из ресторана.

– *Addio*, – крикнул я, швырнув на ходу деньги. – *Addio valle di pianti!* – И с такими словами покинул эту грязную гостиницу.

Теперь – в Синайскую пустыню. Уж там-то все будет в порядке. Настоящая пустыня – одно из наименее загрязненных мест на земле, и Синай в этом смысле не исключение. По пустыне тянется узкая полоска черного гудрона длиной примерно сто сорок миль с одной

⁴ В 1870 году по заказу из Египта Дж. Верди создал оперу «Аида» (в 1871 г. поставлена в Каире).

⁵ «Сжальтесь, о боги!» (ит.)

⁶ «Бежим, о ты, король, ты, великий владыка!» (ит.)

⁷ «Бежим отсюда» (ит.).

⁸ «О земля, прощай; прощай, юдоль слез!» (ит.)

заправочной станцией и несколькими хижинами на полпути, в местечке под названием Бир-Рауд-Селим. На всем же остальном протяжении это абсолютно необитаемая пустыня. В это время года там очень жарко, и на случай поломки автомобиля важно было запастись питьевой водой. Поэтому я остановился на главной улице Исмаилии возле того, что мне показалось лавкой, чтобы заполнить водой канистру.

Я вошел в магазин и обратился к хозяину. У него оказался тяжелый случай трахомы. На внутренней стороне век была такая грануляция, что веки нависали над глазными яблоками, – жуткое зрелище. Я спросил, не продаст ли он мне галлон кипяченой воды. Он решил, что я ненормальный, и счел меня еще более сумасшедшим, когда я настоял на том, чтобы пойти вместе с ним на его грязную кухню, дабы убедиться, что он сделает все так, как нужно. Он наполнил чайник водой из-под крана и поставил его на керосинку. Керосинка горела крошечным коптящим желтым огоньком. Хозяин, похоже, очень гордился ею и тем, как она работает. Склонив голову набок, он стоял и восхищенно смотрел на нее. Спустя какое-то время он предложил мне оставить его и подождать в магазине. Воду он принесет, когда она вскипит. Я отказался покидать его. Я стоял и смотрел на чайник, как лев, дожидаясь, когда закипит вода; и, пока все это происходило, неожиданно перед моим взором стала всплывать во всем своем ужасе сцена за завтраком – яйцо, желток и волос. Чей это волос оказался в скользком желтке яйца, поданного мне на завтрак? Без сомнения, это был волос повара. А когда, скажите на милость, повар в последний раз мыл голову? Скорее всего, он вообще не мыл ее ни разу. Очень хорошо. Почти наверняка у него вши. Но от вшей волосы не выпадают. Отчего же тогда в то утро из головы повара выпал волос и оказался в яйце, когда он переключал яйца со сковородки на тарелку? Всему есть причина, а в данном случае причина очевидна. Кожа черепа повара была поражена гнойным лишаем. И сам волос, длинный черный волос, который я запросто мог проглотить, будь я менее бдителен, кишел, следовательно, многими миллионами прелестных патогенных кокков, точное научное название которых я, к счастью, позабыл.

Мог ли я, спросите вы, быть абсолютно уверен в том, что у повара был гнойный лишай? Абсолютно – нет. Но если не гнойный, то стригущий лишай у него был наверняка. А что это означает? Мне было отлично известно, что это означает. Это означает, что десять миллионов микроспор прилепились к этому ужасному волосу и дожидались только того, как бы отправиться в мой рот. Я почувствовал тошноту.

– Вода закипает, – торжествующе произнес хозяин лавки.

– Пусть еще покипит, – сказал я ему. – Подождите еще восемь минут. Вы что, хотите, чтобы я тифом заболел?

Лично я, если только в этом нет крайней необходимости, никогда не пью простую воду, какой бы чистой она ни была. Простая вода совершенно безвкусна. Разумеется, я пью ее в виде чая или кофе, но даже в этих случаях стараюсь использовать «виши» или «мальверн» в бутылках. Воды из-под крана я стараюсь избегать. Вода из-под крана – дьявольская вещь. Чаще всего это не что иное, как отфильтрованная вода из сточной канавы.

– Вода скоро выкипит, – произнес торговец, обнажив в улыбке зеленые зубы.

Я сам снял чайник и перелил его содержимое в канистру.

В том же магазине я купил шесть апельсинов, небольшой арбуз и плитку английского шоколада в плотной обертке. После этого я вернулся к «лагонде». Наконец-то можно было отправляться в путь.

Спустя несколько минут я переехал через шаткий мост над Суэцким каналом чуть выше озера Тимсах⁹, и передо мной раскинулась плоская, освещенная яркими лучами солнца пустыня, по которой к самому горизонту убегала черной лентой узкая гудронная дорога. Я

---

⁹ На озере Тимсах расположен город Исмаилия.

поехал с привычной для «лагонды» скоростью – шестьдесят пять миль в час – и широко открыл окна. На меня пахло как из печки. Время близилось к полудню, и солнце бросало свои горячие лучи прямо на крышу моей машины. В салоне термометр показывал 103° по Фаренгейту¹⁰. Однако, как вам известно, некоторое повышение температуры воздуха я обыкновенно переношу нормально, если только мне не приходится предпринимать каких-либо усилий и если я облачен в соответствующую одежду, – в данном случае на мне были льняные кремовые брюки, белая рубашка из хлопка и великолепный паутинный галстук насыщенного болотного цвета. Я чувствовал себя вполне комфортно и умиротворенно.

Минуто-другую я размышлял над тем, не исполнить ли мне по дороге еще какую-нибудь арию – настроению моему более всего отвечала «La Gioconda»¹¹, — однако, пропев несколько тактов из той части, где вступает хор, я немного вспотел, поэтому решил, что пора опускать занавес, и, вместо того чтобы петь, закурил.

Я ехал по местности, знаменитой на весь мир скорпионами, и мне не терпелось поскорее остановиться и побродить в поисках их, прежде чем я доеду до заправочной станции в Бир-Рауд-Селиме. За час, прошедший с того времени, как я покинул Исмаилию, мне не встретился ни один автомобиль и ни одна живая душа. Это мне нравилось. Синай – настоящая пустыня. Я остановился на обочине и выключил двигатель. Мне захотелось пить, и я съел апельсин. Затем надел белый тропический шлем, медленно выбрался из машины, из этого уютного прибежища краба-отшельника, и оказался под палящими лучами солнца. Целую минуту я неподвижно стоял посреди дороги и, щурясь, оглядывался по сторонам.

Ослепительно светило солнце, надо мной простиралось широкое раскаленное небо, а во все стороны тянулись огромные, ярко освещенные моря желтого песка, казавшиеся неземными. К югу от дороги возвышались песчаные горы – голые светло-коричневые, терракотовые горы, слегка отливающие голубым и фиолетовым. Они неожиданно вырастали вдалеке и растворялись в знойной дымке на фоне неба. Стояла всепоглощающая тишина. Не слышно было ни звука – ни птицы, ни насекомые не подавали голоса, и, стоя в одиночестве посреди этого величественного знойного, безжизненного пейзажа, я ощутил какое-то необыкновенное божественное чувство, будто оказался и вовсе на другой планете – на Юпитере, или на Марсе, или в каком-нибудь еще более далеком и пустынном краю, где никогда не растет трава и не рдеют облака.

Я подошел к багажнику и достал морилку, сетку и лопатку. Затем сошел с дороги и ступил на мягкий горячий песок. Я медленно побрел по пустыне, неотрывно глядя себе под ноги, и прошел примерно сотню ярдов; искал я не самих скорпионов, а их норы. Скорпион – криптозойское¹², ночное существо, которое весь день прячется либо под камнем, либо в норе в зависимости от того, к какому виду принадлежит. Он выходит наружу в поисках пищи только после захода солнца.

Тот, который мне был нужен, *opisthophthalmus*, обитает в норе, поэтому я не стал тратить время на то, чтобы ворочать камни. Я искал норы. Прошло минут десять-пятнадцать, а я так ни одной и не нашел, и, поскольку жара уже начинала донимать меня, я, хотя и неохотно, принял решение вернуться к машине. Назад я брел очень медленно, по-прежнему не отрывая глаз от земли, и уже дошел до дороги, как вдруг не далее чем в двенадцати дюймах от края гудрона увидел в песке нору скорпиона.

Я положил морилку и сетку на землю и принялся очень осторожно раскапывать песок вокруг норы. Эта процедура всякий раз возбуждала меня. Для меня это то же, что откапывать

¹⁰ То есть примерно 40° по Цельсию.

¹¹ «Джоконда» (ит.).

¹² От греческих слов *kryptos* – «тайный», «скрытый» и *zoe* — «жизнь», «образ жизни».

сокровище, – сопутствующая опасность ничуть не меньше волнует кровь. Я чувствовал, что, по мере того как я все глубже копаю песок, сердце все сильнее колотится в груди.

И неожиданно... вот она!

О господи, ну и чудовище! Гигантская самка скорпиона, не *opisthophthalmus*, как я тотчас заметил, а *pandimus* — еще один большой африканский обитатель нор. А к спине ее прижимались – в это трудно поверить! – буквально кишели вокруг нее... один, два, три, четыре, пять... четырнадцать крошечных младенцев! Сама мать была по меньшей мере шести дюймов в длину! Дети ее были размером с небольшую револьверную пулю. Теперь и она меня увидела, первого в своей жизни человека. Клешни ее широко раскрылись, хвост изогнулся над спиной подобно вопросительному знаку, и она изготавилась ужалить меня. Я тут же просунул под нее сетку и быстрым движением затянул. Самка принялась извиваться и корчиться, яростно тыча кончиком хвоста во все стороны. Я увидел большую каплю яда, всего одну, просочившуюся сквозь ячейку сети в песок. Мигом переложив ее вместе с отпрысками в морилку, я закрыл крышку, потом принес из машины эфир и через мелкую металлическую сетку в крышке морилки принялся лить его внутрь, пока им хорошенько не пропиталась мягкая прокладка.

Как красиво она будет смотреться в моей коллекции! Дети, конечно, умрут и свалятся с нее, но я приклею их на место и сделаю так, чтобы они приняли прежнее положение; а потом я стану гордым обладателем огромной самки *pandimus*, к спине которой прильнули четырнадцать отпрысков! Я был чрезвычайно рад.

Взяв морилку (я чувствовал, как самка скорпиона неистово мечется внутри), я положил ее в багажник вместе с сеткой и лопаткой. После этого сел в машину, закурил и поехал дальше.

Чем более я чем-то доволен, тем медленнее еду. Теперь я ехал довольно неторопливо, и у меня, наверное, целый час ушел на то, чтобы добраться до Бир-Рауд-Селима.

Местечко оказалось на редкость унылым. По левую сторону находились единственная бензоколонка и деревянная хибара. Справа стояли еще три хибары, каждая размером с сарай, в котором хранят горшки с рассадой. Все остальное было пустыней. Вокруг – ни души. Было без двадцати два, и температура в машине составляла 106° по Фаренгейту.

Глупо потратив время на то, чтобы вскипятить воду, прежде чем выехать из Исмаилии, я совершенно забыл заправиться бензином, и стрелка показывала, что в баке осталось чуть меньше двух галлонов. Этого должно хватить в обрез, но может и не хватить. Я подрулил к бензоколонке и стал ждать. Никто не появлялся. Я посигналил, и четыре специально настроенных гудка «лагонды» разнесли на всю пустыню «*Son già mille e tre!*»¹³. Никто не появлялся. Я еще раз посигналил.

пропели гудки. Фраза Моцарта звучала в этой обстановке великолепно. Однако никто так и не появился. Похоже, что обитателям Бир-Рауд-Селима было наплевать на моего друга дона Джованни и на тысячу трех женщин, которых он лишил девственности в Испании¹⁴.

¹³ «А испанок – тысяча три» (*um.*).

¹⁴ Речь идет об опере австрийского композитора В. А. Моцарта «Наказанный распутник, или Дон Жуан» (1787), по-

Наконец, после того, как я посигналил раз шесть, не меньше, дверь хибары, стоявшей за бензоколонкой, открылась и на пороге появился довольно высокий мужчина, который принялся обеими руками застегиваться на все пуговицы. Занимался он этим не спеша и, пока не закончил, даже не взглянул на «лагонду». Я смотрел на него в открытое окно. Спустя какое-то время он сделал первый шаг в мою сторону... но переступил очень, очень медленно... и затем сделал второй шаг...

«О боже! – тотчас пронеслось у меня в голове. – Да его же спирохеты замучили!»

Он передвигался медленно, пошатываясь, неуклюжей походкой человека, подверженного сухотке спинного мозга. Делая шаг, он высоко заносил ногу и потом резко опускал ее на землю, будто пытался раздавить какое-то опасное насекомое.

Смоюсь-ка я лучше отсюда, подумал я. Успеть бы завести мотор да отъехать, прежде чем он приблизится ко мне. Но я знал, что не смогу этого сделать. Мне был нужен бензин. Я сидел в машине и неотрывно смотрел, как это жуткое создание с трудом передвигается по песку. Он, должно быть, уже много лет болен этой ужасной болезнью, иначе она не перешла бы в сухотку спинного мозга. В профессиональных кругах ее называют *tabes dorsalis*, и это означает, что больной страдает от перерождения тканей позвоночника. Но знали бы вы, о мои недруги и друзья мои, что дело в таких случаях обстоит гораздо хуже: происходит медленное и безжалостное уничтожение нервных волокон сифилитическими токсинами.

Между тем человек – назову его арабом – подошел к машине с той стороны, где сидел я, и заглянул в открытое окно. Я отпрянул от него, моля Бога, чтобы он не приблизился более ни на дюйм. Вне всякого сомнения, это был один из самых заразных больных, которых мне когда-либо доводилось видеть. Лицо его было похоже на старинную деревянную резьбу, изъеденную червями, и, глядя на него, я подумал – сколько же еще болезней мучают этого человека помимо сифилиса.

– Салям, – пробормотал он.

– Заполни бак, – сказал я ему.

Он и с места не сдвинулся, с интересом рассматривая салон «лагонды». От него исходил мерзкий, тошнотворный запах.

– Поторапливайся! – резко проговорил я. – Мне нужен бензин!

Он взглянул на меня и ухмыльнулся. Это была не усмешка даже, а именно презрительная, издевательская ухмылка, которая, казалось, говорила: «Я – король заправочной станции Бир-Рауд-Селима! Ну-ка, попробуй дотронуться до меня!» В уголок его глаза уселась муха. Он не сделал ни малейшего движения, чтобы согнать ее.

– Значит, вам нужен бензин? – спросил он, как бы поддразнивая меня.

Я хотел было разразиться ругательствами в его адрес, однако вовремя спохватился и любезно ответил:

– Да, пожалуйста, я был бы тебе за это весьма признателен.

В продолжение нескольких минут он хитро поглядывал на меня, словно хотел удостовериться, что я не разыгрываю его, затем кивнул, будто бы удовлетворившись моим поведением. Повернувшись, он медленно направился к задней части машины. Я опустил руку в карман на дверце и достал бутылку «Гленморанжи». Плеснув в стакан изрядную порцию, я принялся потягивать виски. Лицо этого человека только что находилось в ярде от меня; его зловонное дыхание проникло внутрь салона... и кто знает, сколько миллиардов вирусов перенеслось по воздуху? В подобных случаях лучше всего простерилизовать рот, а заодно и горло глотком шотландского виски. К тому же виски еще и успокаивает. Я осушил стакан, налил еще один и скоро успокоился. На соседнем сиденье лежал арбуз. Мне пришло в голову, что кусок арбуза наверняка подействует на меня освежающе. Я вынул нож из чехла

и отрезал толстый кусок. Потом кончиком ножа тщательно выковырял все черные семечки, складывая их в арбузную корку.

Я сидел и попивал виски и ел арбуз. И то и другое было очень вкусно.

– С бензином готово, – молвил ужасный араб, возникнув возле окна. – Проверю воду и масло.

Я бы предпочел, чтобы он держался подальше от «лагонды», но, не желая связываться с ним, промолчал. Тяжело ступая, он приблизился к передней части машины, и его походка напомнила мне пьяного берлинского штурмовика,двигающегося очень медленным гусиным шагом.

Клянусь, у него не что иное, как *tabes dorsalis*.

Единственное другое заболевание, которое способно вызвать такую странную походку, когда при ходьбе высоко поднимают ноги, – это хронический авитаминоз. Наверняка у него и авитаминоз. Я отрезал еще кусок арбуза и минуту-другую был занят тем, что выковыривал с помощью ножа семечки. Когда я оторвался от своего занятия, то увидел, что араб поднял капот с правой стороны и склонился над мотором. Его голова и плечи не были видны, как и его руки. Что он там делает? Ведь масло наливают слева. Я постучал по ветровому стеклу. Он, казалось, не слышал меня. Я высунулся из окна и закричал:

– Эй! Вылезай оттуда!

Медленно выпрямившись, он вынул свою правую руку из внутренностей мотора, и я увидел, что в руке он держит что-то длинное, извивающееся и очень тонкое.

«Боже милостивый! – подумал я. – Да ведь он там змею нашел!»

Ухмыляясь, он подошел ко мне, чтобы я мог получше разглядеть, что у него было в руке; и только теперь я увидел, что это вовсе не змея, а приводной ремень «лагонды»!

Пока я молча разглядывал испорченный приводной ремень, меня внезапно охватил ужас при мысли о том, что теперь я, возможно, отрезан от всего мира – один на один в такой глухомани с этим омерзительным типом.

– Тут вот какое дело, – говорил араб, – он держался на одной ниточке. Хорошо, что я это заметил.

Я взял у него ремень и внимательно его осмотрел.

– Да ты ведь его отрезал! – вскричал я.

– Отрезал? – тихо переспросил он. – Зачем мне его отрезать?

Откровенно говоря, я не мог с точностью утверждать, отрезал он его или нет. Если он и сделал это, то тогда должен был бы взять на себя труд обработать обрезанные концы с помощью какого-нибудь инструмента, чтобы было похоже на обыкновенный разрыв. И все равно я склонялся к тому, что он обрезал ремень, а если так, то оправдывались мои самые мрачные предчувствия.

– Я полагаю, ты понимаешь, что без приводного ремня я далеко не уеду? – спросил я у него.

Он снова ухмыльнулся своим ужасным кривым ртом, обнажив гнилые зубы.

– Если вы сейчас поедете, – сказал он, – то вода в радиаторе закипит через три минуты.

– И что ты предлагаешь?

– Я достану вам другой приводной ремень.

– Вот как?

– Разумеется. Здесь есть телефон, и, если вы заплатите за разговор, я позвоню в Иسمанию. В Каир позвоню. Нет проблем.

– Нет проблем! – вскричал я, вылезая из машины. – А когда, по-твоему, скажи на милость, приводной ремень доставят в это богом забытое место?

– Каждое утро часов около десяти здесь проезжает почтовый грузовик. Ремень будет у вас завтра.

Да у него на все вопросы есть ответы. Он даже не задумывается, прежде чем ответить. Этот мерзавец, подумал я, уже, наверное, не раз отрезал приводные ремни.

За ним нужен глаз да глаз, решил я.

– В Исфаилии не найти приводного ремня к этой машине, – сказал я. – Его можно достать только в Каире. Я сам туда позвоню.

То, что здесь был телефон, немного успокоило меня. Телеграфные столбы тянулись по пустыне вдоль всей дороги, и я увидел, что от ближайшего столба к хибаре идут два провода.

– Я попрошу, чтобы из Каира немедленно прислали сюда кого-нибудь специально, – добавил я.

Араб посмотрел на дорогу в Каир, находящийся милях в двухстах.

– Кто это поедет шесть часов сюда, а потом шесть часов обратно из-за приводного ремня? – спросил он. – Почтой будет быстрее.

– Покажи, где тут телефон, – сказал я, направляясь к хибаре.

И тут пренеприятная мысль пронзила меня, и я остановился.

Да разве смогу я воспользоваться зараженным аппаратом этого человека? Мне придется прижать трубку к уху, и я почти наверняка коснусь ее ртом; что бы там ни говорили врачи о невозможности подхватить сифилис воздушно-капельным путем, я им не верю. Сифилитическая трубка – это сифилитическая трубка, и чтобы я близко к своим губам ее поднес? Да ни за что, покорнейше благодарю. Я и в хибару-то его не войду.

Я стоял под палящими лучами солнца и глядел на обезображенное болезнью лицо араба, а араб смотрел на меня как ни в чем не бывало.

– Так вам нужен телефон? – спросил он.

– Нет, – ответил я. – Ты можешь прочитать по-английски?

– О да.

– Очень хорошо. Я напишу тебе фамилии моих торговых агентов и марку машины, а также мою фамилию. Меня там знают. Скажешь им, что от них требуется. И послушай... скажи, чтобы немедленно прислали специального курьера за мой счет. Я им хорошо заплачу. А если они на это не пойдут, скажи им, что они обязаны вовремя отправить в Исфаилию приводной ремень, чтобы не упустить почтовый грузовик. Понял?

– Нет проблем, – сказал араб.

Я написал все, что нужно, на клочке бумаги и вручил ему. Он направился к хибаре своей медленной сифилитической походкой и скрылся внутри. Я закрыл капот. Затем сел за руль, чтобы обдумать ситуацию.

Я налил еще виски и закурил. Но ведь должно быть на этой дороге какое-то движение. До наступления ночи наверняка кто-нибудь проедет мимо. Однако поможет ли мне это? Нет, не поможет – если только я не готов к тому, чтобы попросить подвезти меня, а багаж оставить на попечение араба. Готов ли я к такому? Этого я не знал. Пожалуй, да. Но если мне придется провести здесь ночь, то я запрусь в машине и постараюсь как можно дольше бодрствовать. Ни за что на свете не войду в хибару, в которой обитает этот тип. И к пище его не притронусь. У меня виски и вода, пол-арбуза и плитка шоколада. Этого достаточно.

А вот жара была совсем некстати. В машине термометр показывал по-прежнему что-то около 104°. На солнце было еще хуже. Я обильно потел. Боже мой, надо же застрять в таком месте! Да еще очутиться в такой компании!

Минут через пятнадцать араб вышел из хибары. Все то время, что он шел до машины, я не спускал с него глаз.

– Я позвонил в гараж в Каире, – сказал он, просунув голову в окно. – Приводной ремень доставят завтра на почтовом грузовике. Все в порядке.

– Ты попросил их, чтобы они прислали его немедленно?

– Они говорят, что это невозможно.

– Ты точно их об этом попросил?

Он склонил голову набок и ухмыльнулся своей хитрой презрительной ухмылкой. Я отвернулся, ожидая, что уж теперь-то он уйдет. Он, однако, продолжал стоять на месте.

– У нас есть дом для гостей, – сказал он. – Вы там сможете хорошо выспаться. Моя жена приготовит еду, но вам придется за это заплатить.

– Кто здесь есть еще, кроме тебя и твоей жены?

– Один человек, – ответил он, махнув рукой в направлении трех хижин по ту сторону дороги. Обернувшись, я увидел мужчину, стоявшего в дверном проеме средней хижины, – невысокого, плотного сложения мужчину в грязных штанах цвета хаки и такой же рубашке. Он стоял совершенно неподвижно, прячась в тени дома, и руки его висели по бокам. Он смотрел на меня.

– Кто это? – спросил я.

– Салех.

– Что он здесь делает?

– Мне помогает.

– Я буду спать в машине, – сказал я. – Твоей жене не нужно готовить еду. У меня своя есть.

Араб пожал плечами, повернулся и побрел назад к той хижине, где был телефон. Я остался в машине. Что мне еще было делать? Времени уже больше половины четвертого. Часа через три-четыре станет немного прохладнее. Тогда я смогу прогуляться и, быть может, поймать несколько скорпионов. А пока мне придется примириться со своим положением. Я протянул руку к заднему сиденью, где стоял ящик с книгами, и, не глядя, взял первый попавшийся том. В ящике находилось тридцать или сорок лучших в мире книг, все их можно перечитывать сотни раз, и с каждым разом они нравятся все больше. Мне было все равно, какая из них попадется под руку. Оказалось, я вытащил «Естественную историю Сельборна»¹⁵. Я открыл ее наугад...

«...Больше двадцати лет назад в нашей деревне жил один слабоумный юноша. Я хорошо его помню. Он с детства обнаруживал сильное влечение к пчелам; они служили ему пропитанием, развлечением, были его единственной страстью. А поскольку у таких людей редко бывает больше одного пристрастия, то и наш юноша направлял все свое усердие на это занятие. Зимой он почти все время спал под крышей отцовского дома, расположившись у открытого огня, погружившись в состояние, близкое к спячке. Он редко покидал уютный теплый уголок, но летом оживал, употребляя всю свою энергию на поиски добычи в полях и на залитых солнцем берегах. Поживой его становились медоносные пчелы, шмели, осы; укусов их он не страшился, хватая их *nudis minibus*¹⁶, тотчас же обезоруживая и высасывая медовый желудок. Иногда он прятал их на груди, за воротом рубахи, иногда заточал в бутылки. Он был *merops apiaster*, или большой охотник до пчел, и представлял немалую опасность для людей, которые держали пчел, ибо тайком пробирался на их пасеки и, усевшись перед каким-нибудь ульем, принимался стучать по нему пальцами и таким образом ловил вылетавших насекомых. Бывали случаи, когда он опрокидывал ульи ради меда, который страстно любил. Если кто-то приправлял мед специями, он принимался ходить вокруг бочек и сосудов, выпрашивая глоток того, что называется пчелиным вином. Расхаживая по своим делам, он бормотал себе что-то под нос, издавая при этом звук, похожий на жужжание пчел...»

Я оторвался от книги и огляделся. Человек, неподвижно стоявший по ту сторону дороги, исчез. Тихо было – до жути. Полное безмолвие и дикость этого места производили

---

¹⁵ «Естественная история и древности Сельборна» (1789). Автор – Г. Уайт (1720–1793), английский натуралист и священнослужитель. Сельборн – местечко в графстве Гемпшир, где родился Г. Уайт. Первая в Англии работа по естественной истории, признанная классической.

¹⁶ Голыми руками (*лат.*).

глубоко тягостное впечатление. Я знал, что за мной наблюдают. Знал, что кто-то внимательно следит за каждым моим самым незначительным движением, за каждым глотком виски, который я делал, за каждой затяжкой. Я ненавижу насилие и никогда не ношу оружия, но сейчас оно бы мне не помешало. Какое-то время я размышлял над тем, не завести ли мне машину и не проехать ли хоть немного, пока не перегреется мотор. Но куда я смогу уехать? Не очень-то далеко при такой жаре и без приводного ремня. Может, одну милю, самое большее две...

Нет, это ни к черту не годится. Останусь-ка лучше на месте и почитаю.

Спустя, должно быть, час я увидел, как по дороге со стороны Иерусалима движется в моем направлении маленькая черная точка. Я отложил книгу, не отрывая глаз от точки. Она становилась все больше и больше. Двигалась она с огромной, просто с удивительной скоростью. Я вышел из «лагонды» и поспешил встать у обочины, чтобы вовремя дать знак водителю остановиться. Машина подъезжала все ближе и ближе и на расстоянии примерно в четверть мили начала замедлять ход. И тут я обратил внимание на форму радиатора. «Роллс-ройс»! Я поднял руку и так и застыл с вытянутой рукой, пока большой зеленый автомобиль, за рулем которого сидел мужчина, не съехал с дороги и не остановился возле моей «лагонды».

Я был вне себя от радости. Будь это «форд» или «моррис», я бы уже был доволен, но не радовался бы так сильно. То обстоятельство, что это «роллс-ройс» – а на его месте вполне мог бы быть и «бентли», и «изотта»¹⁷ или же еще одна «лагонда», – служило достаточной гарантией того, что мне будет оказана необходимая помощь, ибо – не знаю, известно вам это или нет, – людей, владеющих очень дорогими автомобилями, связывает могучее братство. Они автоматически уважают друг друга, а уважают они друг друга просто-напросто потому, что богатство уважает богатство. По сути дела, очень богатый человек никого так не уважает на всем белом свете, как другого очень богатого человека, и поэтому, куда бы ни лежал их путь, естественно, они всюду ищут друг друга, а при встрече используют многообразные опознавательные знаки. У женщин, пожалуй, наиболее распространено ношение массивных драгоценностей, однако известное предпочтение отдается и дорогим автомобилям, чем пользуются представители обоих полов. Такой автомобиль – своего рода передвижная афиша, публичная декларация богатства, он служит удостоверением, дающим право на членство в этом изысканном неофициальном обществе – Союзе Очень Богатых Людей. Сам я уже давно состою его членом и весьма этому рад. Когда я встречаюсь с другим членом, как это должно было произойти сейчас, мной тотчас же овладевает чувство единения. Я проникаюсь к этому человеку уважением. Мы говорим на одном языке. Он один из нас. Поэтому я имел самые веские причины быть вне себя от радости.

Водитель «роллс-ройса» вышел из машины и приблизился ко мне. Это был темноволосый человечек небольшого роста, с кожей оливкового цвета, одетый в безупречный белый льняной костюм. Вероятно, сириец, подумал я. А может, и грек. Несмотря на зной, он чувствовал себя великолепно.

– Добрый день, – сказал он. – У вас неприятности?

Я поприветствовал его и затем во всех подробностях рассказал, что произошло.

– Мой дорогой, – произнес он на превосходном английском, – дорогой мой, как это ужасно. Вам очень не повезло. Застрясть в таком месте!

– Увы!

– И вы говорите, что новый приводной ремень для вас точно заказан?

– Да, – ответил я, – если можно положиться на хозяина этого заведения.

Тут к нам подковылял араб, который вышел из своей хижины, еще когда «роллс-ройс» только собирался остановиться, и незнакомец принялся быстро расспрашивать его по-араб-

---

¹⁷ «Изотта-Фраскини», дорогой итальянский спортивный автомобиль.

ски относительно предпринятых им на мой счет шагов. Мне показалось, они хорошо знакомы, и было ясно, что араб испытывал большое почтение к новоприбывшему. Он буквально расстилался перед ним.

– Что ж, похоже, все в порядке, – произнес наконец незнакомец, обернувшись ко мне. – Но совершенно очевидно, что до утра вам отсюда не выбраться. Куда вы держите путь?

– В Иерусалим, – ответил я. – Но меня не очень-то радует, что ночь придется провести в этом проклятом месте.

– Я вас понимаю, мой дорогой. Это было бы весьма неудобно.

Он улыбнулся мне, обнажив великолепные белые зубы. Потом достал портсигар и предложил сигарету. Портсигар был золотой, инкрустированный по диагонали тонкой полоской зеленого нефрита. Замечательная вещица. Я взял сигарету. Он дал мне прикурить, потом прикурил сам.

Незнакомец глубоко затянулся. Потом запрокинул голову и выпустил дым в сторону солнца.

– Да нас солнечный удар хватит, если мы будем здесь стоять, – сказал он. – Вы позволите мне предложить вам кое-что?

– Разумеется.

– Очень надеюсь, что вы не сочтете мое предложение бесцеремонным, поскольку оно исходит от совершенно незнакомого вам человека...

– Прошу вас...

– Здесь вам никак нельзя оставаться, поэтому я предлагаю вам переночевать в моем доме, но для этого нам нужно немного вернуться.

Ну вот, что я говорил! «Роллс-ройс» улыбался «лагонде», как никогда бы не улыбнулся «форду» или «моррису»!

– Вы имеете в виду Исмаилию? – спросил я.

– Нет-нет, – рассмеявшись, ответил он. – Я живу тут неподалеку, вон там.

Он махнул рукой в ту сторону, откуда приехал.

– Но ведь вы ехали в Исмаилию? Мне бы не хотелось, чтоб вы из-за меня меняли свои планы.

– Вовсе не в Исмаилию, – сказал он. – Я приехал сюда за корреспонденцией. Мой дом – возможно, это удивит вас – находится совсем недалеко отсюда. Видите вон ту гору? Это Магара. Я живу как раз за ней.

Я посмотрел на гору. Она находилась милях в десяти к северу – желтая скалистая глыба, тысячи, наверное, две футов высотой.

– Не хотите ли вы сказать, что у вас действительно дом в этом... безлюдье? – удивился я.

– Вы мне не верите? – улыбаясь, спросил он.

– Разумеется, я вам верю, – ответил я. – Меня, впрочем, ничто не удивляет. Кроме, пожалуй, того, – и я улыбнулся ему в ответ, – кроме того, что здесь, посреди пустыни, можно повстречать незнакомого человека, который будет обращаться с тобой как с братом. Я чрезвычайно тронут вашим предложением.

– Чепуха, мой дорогой. Мотивы, которые я преследую, исключительно эгоистичны. В этих краях нелегко найти цивилизованное общество. Я необычайно рад тому обстоятельству, что за ужином у меня будет гость. Позвольте представиться – Абдул Азиз.

Он слегка поклонился.

– Освальд Корнелиус, – сказал я. – Весьма рад.

Мы пожали друг другу руки.

– Отчасти я живу в Бейруте, – сказал он.

– А я в Париже.

– Превосходно. Так что ж, едем? Вы готовы?

– Но... моя машина, – сказал я. – Я могу ее здесь оставить?

– Об этом не беспокойтесь. Омар – мой друг. Вид у него не ахти какой – бедный малый! – но он вас не подведет, раз вы со мной. А второй, Салех, хороший механик. Он приладит вам завтра приводной ремень, когда его привезут. Сейчас дам указания.

Салех, мужчина, стоявший прежде по ту сторону дороги, подошел к нам, пока мы разговаривали. Мистер Азиз отдал ему распоряжения. Потом он поговорил с обоими мужчинами насчет охраны автомобиля. Омар и Салех слушали его, неловко кланяясь. Я направился к «лагонде», чтобы взять чемодан. Мне нужно было скорее переодеться.

– Кстати, – крикнул мне вдогонку Азиз, – к ужину я обычно надеваю вечерний костюм.

– Разумеется, – пробормотал я, быстро запихивая назад чемодан, который уже держал в руках, и беря другой.

– В основном я делаю это ради женщин. Это они любят переодеваться к ужину.

Я резко обернулся и посмотрел в его сторону, но он уже сел в машину.

– Готовы? – спросил он.

Чемодан я положил на заднее сиденье «роллс-ройса», а сам сел на переднее, и мы тронулись в путь.

Во время поездки мы неторопливо беседовали о том о сем. Он рассказал мне, что занимается торговлей коврами. У него были конторы в Бейруте и Дамаске. Его предки, по его словам, занимались торговлей сотни лет.

Я упомянул о том, что на полу спальни моей парижской квартиры лежит дамасский ковер семнадцатого века.

– Быть этого не может! – с восторгом воскликнул он, едва не съехав с дороги. – Из шелка и шерсти, но больше из шелка? А основа соткана из золотых и серебряных нитей?

– Да, – ответил я. – Именно так.

– Но, дорогой мой! Такая вещь не должна лежать на полу!

– По нему ходят только босыми ногами, – заметил я.

Это его успокоило. Похоже, он так же любил ковры, как я люблю синие вазы цзинь-яо.

Скоро мы свернули с гудронной дороги влево, на твердую каменистую грунтовку, и поехали прямо через пустыню по направлению к горе.

– Это моя собственная подъездная дорога, – сказал мистер Азиз. – Она тянется на пять миль.

– У вас и телефон есть? – спросил я, увидев, что столбы, стоящие вдоль главной дороги, тянутся и вдоль этой частной.

И тут меня вдруг поразила странная мысль.

Араб на заправочной станции... У него тоже есть телефон...

Не этим ли объясняется случайный приезд мистера Азиза?

Быть может, этот скучающий здесь богатей изобрел хитроумный способ увозить путешественников с главной дороги, чтобы доставлять себе на ужин то, что он называет «цивилизованным обществом»? Не он ли дал арабу указание выводить из строя один за другим автомобили господ соответствующей наружности, проезжающих мимо? «Просто отрежь приводной ремень, Омар, и сразу звони мне. Но смотри, чтобы с виду господин был приличный, в хорошем автомобиле. Я тут же подскочу и посмотрю, стоит ли приглашать его в дом...»

Что за глупости приходят мне в голову!

– Мне кажется, – говорил мой спутник, – что вам любопытно узнать, зачем это мне взбрело в голову поселиться в таком месте.

– По правде говоря, да.

– Этим все интересуются, – сказал он.

– Все? – переспросил я.

Так-так, подумал я. Значит, все.

– Я живу здесь, – продолжал он, – потому, что ощущаю духовную связь с пустыней. Меня к ней тянет так же, как моряка к морю. Вам это кажется очень странным?

– Нет, – ответил я, – мне это вовсе не кажется странным.

Он умолк, затянувшись сигаретой. Потом снова заговорил:

– Это одна причина. Но есть и другая. Вы семейный человек, мистер Корнелиус?

– К несчастью, нет, – осторожно ответил я.

– А я семейный, – сказал он. – У меня есть жена и дочь. Обе, во всяком случае на мой взгляд, очень красивы. Дочери только что исполнилось восемнадцать. Она закончила прекрасную школу в Англии, а теперь, – он пожал плечами, – теперь просто сидит дома и ждет, когда можно будет выйти замуж. А чем можно занять красивую молодую девушку в этот период ожидания? Одну я ее отпустить никуда не могу. С нее глаз не сводят. Когда я беру ее с собой в Бейрут, мужчины так и выются вокруг нее, точно волки, дожидаясь момента, чтобы сцапать. Меня это с ума сводит. Я все про мужчин знаю, мистер Корнелиус. Мне известно, на что они способны. Не я один сталкиваюсь с этой проблемой. Но другие умудряются каким-то образом воспринимать ее стоически. Они отпускают своих дочерей на волю. Просто выпроваживают их из дома и занимаются своими делами. Я так не могу. Просто не могу себя заставить так поступить! Не могу позволить, чтобы ее искалечил какой-нибудь там Ахмед, Али и Хамил или кто там еще попадется ей на пути. И это и есть, как вы понимаете, вторая причина, почему я живу в пустыне, – я хочу еще несколько лет защищать мое дорогое дитя от диких зверей. Вы, кажется, сказали, что у вас совсем нет семьи, мистер Корнелиус?

– Боюсь, что это действительно так.

– О! – Он, похоже, был разочарован. – То есть вы хотите сказать, что никогда и не были женаты?

– Н-нет, – сказал я. – Нет, никогда.

Я ждал, что сейчас последует еще один неизбежный вопрос. И минуту спустя он был задан.

– А вам никогда не хотелось жениться и иметь детей?

Все задают этот вопрос. Это все равно что спросить: «Так, значит, вы гомосексуалист?»

– Один раз хотелось, – сказал я. – Только один раз.

– И что же произошло?

– В моей жизни, мистер Азиз, была только одна женщина... а после того, как ее не стало...

Я вздохнул.

– Вы хотите сказать, что она умерла?

Я кивнул, не в силах произнести что-нибудь еще.

– Мой дорогой, – сказал он. – О, мне так жаль. Простите мое чрезмерное любопытство. Какое-то время мы ехали молча.

– Удивительно, – пробормотал я, – но человек теряет всякий интерес к вопросам пола после того, как с ним случается такое. Я, пожалуй, испытал самое настоящее потрясение. Забыть это невозможно.

Он сочувственно кивнул, принимая все за чистую монету.

– Вот я и путешествую, чтобы забыться. И уже много лет...

Мы достигли подножия Магары и последовали по дороге, которая огибала гору и шла к ее невидимой – северной – стороне.

– За следующим поворотом вы увидите дом, – сказал мистер Азиз.

Мы свернули за поворот – и дом вырос перед нами! Я замигал, уставившись на него, и скажу вам, что в первые несколько мгновений буквально не мог поверить своим глазам.

Передо мной стоял белый замок – именно замок – высокий, с башенками, башнями и шпилями, возникший как по волшебству среди яркой зелени у подножия раскаленной солнцем голой желтой горы! Зрелище было фантастическое! Казалось, я очутился в сказке Ганса Христиана Андерсена или братьев Гримм. В свое время я видел множество романтических замков в долинах Рейна и Луары, но никогда прежде мне не приходилось лицезреть ничего более изящного, грациозного и сказочного! Когда мы подъехали ближе, я увидел сад с подстриженной травой и финиковыми пальмами; высокая белая стена отделяла его от пустыни.

– Вам нравится? – улыбаясь, спросил меня хозяин.

– Потрясающе! – воскликнул я. – Слово все волшебные замки собрались со всего света в одном месте.

– Именно! – сказал он. – Это самый настоящий волшебный замок! Я построил его специально для моей дочери, для моей прекрасной принцессы.

А прекрасная принцесса заточена в его стенах строгим и ревнивым отцом, королем Абдулом Азизом, который отказывает ей в удовольствии мужского общества. Однако берегитесь, ибо на выручку ей спешит принц Освальд Корнелиус! Тайком от короля он собирается похитить прекрасную принцессу, чтобы сделать ее очень счастливой.

– Вы должны признать, что он отличается от прочих замков, – сказал мистер Азиз.

– Совершенно согласен.

– И в нем уютно и покойно. Я очень хорошо здесь сплю. И принцесса хорошо спит. А в эти окна ночью не проникнет ни один молодой человек с дурными намерениями.

– Разумеется, – произнес я.

– Когда-то здесь был небольшой оазис, – продолжал он. – Я купил его у правительства. Воды нам хватает, у нас есть бассейн и три акра земли.

Мы въехали в главные ворота, и, должен сказать, я испытал удивительное чувство, неожиданно оказавшись в миниатюрном раю с зелеными газонами, клумбами и пальмами. Кругом царил образцовый порядок, а на лужайках играли фонтаны. Едва мы остановились перед входом, как нам навстречу выбежали двое слуг в безупречных балахонах и алых фесках, чтобы открыть дверцы.

Но почему их двое? Разве они появились бы оба, если бы не ожидали двоих людей? Я задумался. Мои предположения насчет того, что на ужин меня заманили, оправдывались. Все это очень забавно.

Я последовал за хозяином через главный вход, и меня тотчас же охватило то приятное трепетное чувство, которое возникает, когда в знойный день неожиданно оказываешься в комнате с кондиционером. Я очутился в холле, пол которого был из зеленого мрамора. Справа от меня широкий сводчатый проход вел в большую комнату, и я на секунду мысленно представил себе холодные белые стены, прекрасные картины и изысканную мебель в стиле Людовика XV. Надо же оказаться в таком месте, да еще посреди Синайской пустыни!

Между тем по лестнице медленно спускалась женщина. Хозяин в тот момент отвернулся, давая указания слугам, и не сразу ее увидел, поэтому, дойдя до нижней ступени, женщина остановилась и, положив на перила обнаженную руку, напомнившую мне белую анаконду, принялась рассматривать меня, точно она была царицей Семирамидой, стоящей на ступенях Вавилона, а я – предполагаемым фаворитом, который может прийтись ей по вкусу, а может – и нет. У нее были черные как смоль волосы, а фигура такая, что я облизнулся.

Мистер Азиз обернулся и, увидев ее, сказал:

– А, это ты, дорогая. Я привел тебе гостя. У него сломалась машина на заправочной станции – вот незадача! – и я попросил его переночевать у нас. Мистер Корнелиус... моя жена.

– Очень приятно, – тихо произнесла она, подходя ко мне.

Я взял ее руку и поднес к губам.

– Пленен вашим гостеприимством, мадам, – пробормотал я.

От ее руки исходил какой-то дьявольский аромат. В нем было что-то животное. Он точно вобрал в себя неуловимые половые секреты кашалота, мускусного оленя-самца и бобра – секреты невыразимо острые и бесстыдные; в смеси запахов они властвовали безраздельно, давая возможность слабо проявить себя только чистым растительным маслам разных экзотических растений. Потрясающе! И вот что еще я успел заметить в то первое мгновение: когда я взял ее руку, она, в отличие от прочих женщин, не позволила той вяло лежать в моей ладони, подобно филе сырой рыбы. Напротив, положив четыре пальца сверху, большой палец она пропустила снизу, что дало ей возможность – клянусь, так оно и было! – легонько, но многозначительно пожать мне руку, когда я наносил приличествующий ситуации поцелуй.

– А где же Дайана? – спросил мистер Азиз.

– Она у бассейна, – ответила женщина.

И, обернувшись ко мне, спросила:

– А вы не хотели бы искупаться, мистер Корнелиус? Вы, должно быть, изнываете от жары, проведя столько времени на этой ужасной заправочной станции?

У нее были большие темные глаза, казавшиеся почти совсем черными, и, когда она улыбнулась мне, кончик ее носа приподнялся и ноздри расширились.

Принц Освальд Корнелиус передумал. Ему совершенно безразлична прекрасная принцесса, которую ревнивый король держит в замке пленницей. Пожалуй, он похитит королеву.

– Мм... – произнес я.

– А я искупаюсь, – сказал мистер Азиз.

– Давайте все искупаемся, – сказала его жена. – Плавки мы для вас найдем.

Я спросил, нельзя ли сначала подняться в отведенную мне комнату, чтобы после купания я мог надеть чистую рубашку и чистые брюки, на что хозяйка ответила:

– Разумеется, – и велела одному из слуг проводить меня.

Мы поднялись на третий этаж и вошли в большую белую спальню, в которой стояла двуспальная кровать невероятных размеров. Рядом была ванная комната, оборудованная всем необходимым, с бледно-голубой ванной и биде ей в пару. Все было безупречно чисто и в полной мере отвечало моему вкусу. Пока слуга распаковывал мой чемодан, я подошел к окну и, выглянув в него, увидел огромную пылающую пустыню, простирающуюся желтым морем от самого горизонта до белой садовой стены, которая тянулась как раз под моими окнами. А по эту сторону стены я увидел бассейн, рядом с которым в тени большого розового зонта лежала на спине девушка. На ней был белый купальник; она читала книгу. У нее были длинные стройные ноги и черные волосы. Принцесса.

Ну и дела, подумал я. Белый замок, комфорт, чистота, кондиционированный воздух, две ослепительно прекрасные женщины, внимательно следящий за ними муж и отец и целый вечер впереди! Все так замечательно для меня складывалось, что лучшего нельзя было и желать. Меня весьма прельщало то, что передо мной стояли препятствия. Откровенное оболечение меня уже не увлекало. Это ведь не требует артистизма. Смею вас уверить, мне бы вовсе не хотелось, чтобы мистер Абдул Азиз, этот бдительный сторожевой пес, исчез на ночь по мановению волшебной палочки. Мне не нужны пирровы победы.

Я вышел из комнаты, и слуга направился вслед за мной. Мы спустились по лестнице, и, остановившись на площадке между этажами, я небрежно спросил:

– А что, вся семья спит на этом этаже?

– О да, – ответил слуга. – Вон там комната хозяина, – он указал на дверь, – а рядом – спальня миссис Азиз. Комната мисс Дайаны напротив.

Три отдельные комнаты. Все очень близко друг от друга. Практически недоступны. Я решил приберечь эту информацию на будущее и спустился к бассейну. Хозяин с хозяйкой были уже там.

– Моя дочь Дайана, – сказал хозяин.

Девушка в белом купальнике поднялась, и я поцеловал ей руку.

– Здравствуйте, мистер Корнелиус, – произнесла она.

От нее исходил тот же тяжелый животный запах, что и от матери, – серая амбра, мускус и бобровая струя! Ну и запах – дух самки, бесстыдный и манящий! Я принюхивался, как пес. Мне показалось, что она красивее своей родительницы, если это вообще возможно. Такие же большие темные глаза, такие же черные волосы и такой же овал лица, но ноги бесспорно длиннее, и было в ее фигуре что-то такое, что давало ей некоторое преимущество в сравнении с формами старшей женщины; она была более волнообразна, более подвижна и почти наверняка гораздо более гибка. Между тем у старшей женщины, которой было лет, наверное, тридцать семь, хотя выглядела она не более чем на двадцать пять, светились искорки в глазах, которым ее дочери нечего было противопоставить.

Принц Освальд только что поклялся, что похитит королеву – и к черту принцессу. Но теперь, когда он увидел принцессу во плоти, он не знает, кого из них предпочесть. Обе – и каждая по-своему – сулили неисчислимые наслаждения, притом одна была невинна и нетерпелива, другая – опытна и ненасытна. Правда заключалась в том, что ему хотелось их обеих: принцессу на закуску, а королеву в качестве основного блюда.

– В раздевалке вы найдете плавки, мистер Корнелиус, – говорила между тем миссис Азиз.

Я вошел в пристройку, где и переоделся, а когда вышел из нее, все трое уже плескались в воде. Я прыгнул в бассейн и присоединился к ним. Вода была такая холодная, что у меня перехватило дыхание.

– Я так и знал, что вы удивитесь, – рассмеявшись, сказал мистер Азиз. – Вода охлаждена. Я велел поддерживать температуру в шестьдесят пять градусов¹⁸. В таком климате холодная вода освежает лучше.

Потом, когда солнце начало садиться, мы сели друг против друга в мокрых купальных костюмах, и слуга принес нам бледный ледяной martini; именно с этого момента я начал очень медленно, очень осторожно, в присущей только мне манере соблазнять двух дам. Обычно, когда мне дают волю, труда это особого не составляет. Небольшой оригинальный талант, которым мне случилось обладать, – то есть умение гипнотизировать женщину словами, – весьма редко меня подводит. В ход, разумеется, идут не только слова. Сами слова, безобидные, ничего не значащие слова произносятся ртом, тогда как главный посыл, интимное и волнующее обещание, исходит от всех членов и органов тела, а передается через глаза. Как это делается, я, честное слово, сказать не могу. Главное – что это действует безотказно. Как шпанские мушки. Я уверен, что если бы у папы римского была жена и она сидела бы напротив меня, то не прошло бы и пятнадцати минут, как она, стоило бы мне лишь сильно постараться, потянулась ко мне через стол с раскрытыми губами и сверкающими от желания глазами. Это не большой талант, во всяком случае не великий, но я тем не менее благодарен судьбе за то, что она меня им наградила, и всегда тщательно следил за тем, чтобы он не растрачивался попусту.

Итак, мы все четверо – две дивные женщины, маленький человечек и я – сидели тесным полукругом возле плавательного бассейна, удобно устроившись в шезлонгах, потягивая напитки и кожей ощущая лучи заходящего солнца. Я был в хорошей форме и все делал для того, чтобы они вволю посмеялись. Рассказ о жадной графине из Глазго, которая сунула

---

¹⁸ Примерно 18° по Цельсию.

руку в коробку с шоколадными конфетами и была укушена скорпионом, кончился тем, что девушка от смеха сползла с шезлонга, а когда я подробнейшим образом описал внутреннее устройство своего питомника для разведения пауков в саду под Парижем, обе дамы стали буквально корчиться от отвращения и удовольствия.

Именно в этот момент я обратил внимание на то, что мистер Абдул Азиз добродушно и как бы игриво посматривает на меня. «Так-так, – казалось, говорили его глаза, – мы рады узнать, что вы не так уж и равнодушны к женщинам, как пытались уверить нас в машине... Или, быть может, все дело в том, что благоприятная обстановка помогла вам наконец-то забыть ваше горе...» Мистер Азиз улыбнулся мне, обнажив свои чистые белые зубы. Улыбка вышла дружеской. Я в свою очередь дружески улыбнулся ему в ответ. До чего же он радушный малый! Искренне счастлив тому, что я оказываю дамам столько внимания. Что ж, посмотрим, что будет дальше.

Несколько последовавших за тем часов я пропущу, потому что только после полуночи со мной произошло нечто действительно значительное. Достаточно нескольких коротких фраз для описания предшествовавшего этому времени периода.

В семь часов мы покинули бассейн и возвратились в дом, чтобы переодеться к ужину.

В восемь часов мы собрались в большой гостиной, чтобы выпить еще один коктейль. Обе дамы были разодеты в пух и прах и сверкали жемчугами. На обеих были вечерние платья с глубоким вырезом и без рукавов, доставленные, вне всякого сомнения, из какого-нибудь известного парижского дома мод. Хозяйка была в черном, ее дочь – в бледно-голубом, и опять от них исходил этот пьянящий аромат! Великолепная пара! Старшая женщина чуть заметно сутулилась, что отличает только самых страстных и опытных дам, ибо, так же как у наездницы ноги делаются кривыми оттого, что она постоянно сидит на лошади, так и у страстной женщины некоторым образом округляются плечи, потому что она беспрестанно обнимает мужчин. Это профессиональный изъян, к тому же из всех самый благородный.

Дочь не успела еще приобрести этот знак особого отличия, но, дабы составить о ней мнение, мне достаточно было со стороны окинуть взором ее фигуру и отметить изумительное скользкое движение бедер под плотно облегающим шелковым платьем, когда она проходила по комнате. По обнаженной части ее спины, вдоль позвоночника, тянулись ниточкой крошечные мягкие волнистые волоски, и, когда я стоял за ее спиной, мне трудно было удержаться от искушения провести костяшками пальцев по этим чудесным позвонкам.

В восемь тридцать мы направились в столовую. Последовавший ужин явился поистине великолепным мероприятием, но я не стану здесь тратить время на описание яств и вин. Призвав на помощь свой талант, я на протяжении всего ужина продолжал тонко и коварно играть на чувствах женщин, и к тому времени, когда подали десерт, они таяли у меня на глазах, как масло на солнце.

После ужина мы вернулись в гостиную, где нас ждали кофе и бренди, а затем по предложению хозяина сыграли пару робберов в бридж.

К концу вечера я был уверен в том, что хорошо сделал свое дело. Испытанные приемы меня не подвели. Коли позволят обстоятельства, любая из двух женщин будет моей – стоит только об этом попросить. На сей счет я не заблуждался. Факт очевидный. Неоспоримый. Лицо хозяйки горело от возбуждения, и всякий раз, когда она смотрела на меня через карточный стол, ее огромные темные глаза становились все больше и больше, ноздри расширялись, а рот слегка приоткрывался и обнажался кончик влажного розового языка, протискивавшегося сквозь зубы. Зрелище было удивительно сладострастное, и я не раз бил козырем собственную взятку. Дочь была менее смела, хотя столь же откровенна. Всякий раз, когда мы встречались с ней глазами, а это происходило довольно часто, она на какую-то долю сантиметра приподнимала брови, будто спрашивала о чем-то, потом лукаво, едва заметно улыбалась, тем самым как бы давая ответ.

– Пожалуй, пора спать, – сказал мистер Азиз, сверившись со своими часами. – Уже двенадцатый час. Пойдемте, мои дорогие.

И тут случилось нечто странное. Тотчас же, не задумываясь ни на секунду и даже не бросив взгляда в мою сторону, обе дамы поднялись и направились к двери! Удивительно! Меня это ошеломило. Я не знал, что и думать. Все произошло так быстро. Однако мистер Азиз, кажется, не выказывал недовольства. Голос его – во всяком случае, мне так показалось – звучал, как всегда, приятно. Но он уже выключал свет, ясно давая понять, что ему хотелось бы, чтобы и я шел отдыхать. Какой удар! Я надеялся, что, прежде чем расстаться, либо его жена, либо дочь хотя бы шепнет мне что-нибудь, каких-нибудь три-четыре слова, чтобы я знал, куда мне идти и когда, но вместо этого я стоял дурак дураком возле карточного стола, тогда как две дамы бесшумно выскальзывали из комнаты.

Мы с хозяином последовали за ними по лестнице. На площадке второго этажа мать с дочерью остановились, дожидаясь меня.

– Доброй ночи, мистер Корнелиус, – сказала хозяйка.

– Доброй ночи, мистер Корнелиус, – сказала дочь.

– Доброй ночи, мой дорогой друг, – сказал мистер Азиз. – Надеюсь, у вас есть все, что вам может понадобиться.

Они отвернулись, и мне не оставалось ничего другого, как медленно, неохотно подняться на третий этаж в свою комнату. Я вошел и закрыл за собой дверь. Слуга уже задернул тяжелые парчовые портьеры, однако я раздвинул их, выглянул в окно и вгляделся в ночь. Воздух был теплый и неподвижный, а над пустыней светила блестящая луна. Бассейн при лунном свете казался чем-то вроде огромного зеркала, лежавшего на лужайке, а рядом с ним я увидел четыре шезлонга, в которых мы сидели вчетвером.

Так-так, думал я. Что-то сейчас будет?

Я знал, что единственное, чего я не должен делать в этом доме, – это пытаться выйти из комнаты и отправиться рыскать по коридорам. Это равносильно самоубийству. Много лет назад я узнал, что есть три сорта мужей, с которыми лучше не связываться, – болгары, греки и сирийцы. Ни один из них почему-то не препятствует тому, чтобы вы открыто флиртовали с его женой, но он тотчас же вас убьет, если поймает в момент, когда вы забираетесь к ней в постель. Мистер Азиз был сириец. Поэтому необходима была известная предусмотрительность, и если и намечался какой-то шаг, то он должен был быть сделан не мной, а одной из двух женщин, ибо она (или они) знает наверняка, что безопасно, а что чревато риском. Однако должен признаться: явившись четыре минуты назад свидетелем того, как хозяин заставил их обеих беспрекословно подчиниться его приказанию, я имел мало надежды на какое-либо развитие событий в ближайшем будущем. Беда еще и в том, что я так чертовски распалился.

Я разделся и долго стоял под холодным душем. Это помогло. Затем, поскольку мне никогда не удастся заснуть при луне, я плотно задернул портьеры, забрался в постель и в течение примерно часа читал «Естественную историю Сельборна» Гилберта Уайта. Это тоже помогло, и наконец, где-то между полуночью и часом ночи, наступило время, когда я смог выключить свет и приготовиться ко сну без излишних сожалений.

Я уже начал засыпать, когда услышал едва различимые звуки. Я их тотчас же узнал. Мне много раз в жизни приходилось слышать эти звуки, но для меня они всегда оставались самыми волнующими на свете и воскрешали в памяти много приятных минут. Они представляли собою железный скрежет, когда металл едва слышно трется о металл, и их производил, их всегда производил тот, кто очень медленно, очень осторожно поворачивал ручку двери снаружи. Я медленно очнулся ото сна. Однако я не двигался, а просто открыл глаза и стал смотреть в сторону двери; помню, что в ту минуту мне так хотелось, чтобы портьеры были хотя бы немного раздвинуты, тоненький луч лунного света проник в комнату и я смог

разглядеть очертания прекрасной фигуры той, которая должна была вот-вот войти ко мне. Однако в комнате было темно, как в застенке.

Я не слышал, как открылась дверь. Ни одна петля не скрипнула. Но по комнате вдруг пронеслось дуновение воздуха, зашуршали портьеры, и мгновение спустя я услышал, как дерево глухо стукнуло о дерево, когда дверь снова осторожно закрылась. Затем, когда ручку отпустили, звякнула щеколда.

В следующее мгновение я услышал, как кто-то на цыпочках крадется ко мне по ковру.

Меня на какую-то секунду охватил ужас при мысли о том, что это вполне может быть мистер Абдул Азиз, приближающийся ко мне с длинным ножом в руке, но тут надо мной склонилось теплое гибкое тело, и женщина прошептала мне на ухо:

– Тише!

– Любовь моя, – заговорил я, гадая, кто же это из них двух мог быть. – Я знал, что ты...

Она быстро закрыла мне рот ладонью.

– Прошу тебя, – прошептала она. – Ни слова больше!

Я не стал спорить. Мои губы ждало более интересное занятие, чем произносить слова. Да и ее тоже.

Здесь я должен прервать свой рассказ. Знаю, на меня это не похоже. Но мне бы хотелось, чтобы меня хотя бы на этот раз избавили от необходимости подробных описаний великолепной сцены, которая последовала далее. У меня на то есть свои причины, и я прошу вас отнестись к ним с уважением. В любом случае вам не помешает разнообразия ради напрячь собственное воображение, и, если хотите, я помогу вам немного, просто и откровенно сказав, что из многих тысяч женщин, которых я знал в своей жизни, ни одна не доводила меня до таких высот иступленного восторга, как эта дама из Синайской пустыни. Ее ловкость была изумительна, страсть – необычайна, диапазон – невероятен... Она во всякую минуту была готова к новому и сложному маневру. И сверх всего, мне никогда дотоле не приходилось сталкиваться со столь изысканным и тонким стилем. Она была большой искусницей. Она была гением.

Все это, вы можете сказать, явно указывает на то, что моей ночной гостьей, скорее всего, была старшая женщина. И будете не правы. Это ни на что не указывает. Истинная гениальность дается от рождения. С возрастом она не связана почти никак, и должен вас заверить, что в темной комнате у меня не имелось ни малейшего шанса распознать с определенностью, кто из них двух это был. Ни на одну, ни на другую я не решился бы держать пари. В какую-то минуту, после особенно бурной каденции¹⁹, я приходил к убеждению, что это мать. Ну конечно мать! Затем темп вдруг начинал меняться, и мелодия становилась такой детской и невинной, что я ловил себя на мысли: готов поклясться – это дочь. Ну конечно дочь!

Всего досаднее, что истинной правды я не знал. Для меня это было мучительно. И потом, я чувствовал себя посрамленным, ибо знаток, настоящий знаток всегда угадает сорт вина, не глядя на этикетку. Однако на сей раз я определенно попал впросак. В какой-то момент я потянулся за сигаретами, намереваясь раскрыть тайну при свете спички, но она живо схватила меня за руку, и сигареты и спички полетели в другой конец комнаты. Я не раз пытался было задать ей шепотом и сам вопрос, но не успевал произнести и трех слов, как вновь взлетала рука и со звонким шлепком запечатывала мой рот. Весьма притом немилосердно.

Очень хорошо, подумал я. Пока пусть все будет так. Завтра утром, когда мы увидимся внизу при дневном свете, я наверняка узнаю, кто из вас это был. Я узнаю это по румянцу на щеках, по тому, как твои глаза будут смотреть в мои, и по сотне других маленьких преда-

---

¹⁹ Virtuозный сольный эпизод в инструментальном концерте.

тельских примет. Я также узнаю это по следам, которые оставили мои зубы на левой стороне шеи, выше того места, которое прикрывает платье. Довольно коварный прием, подумал я, и так блестяще рассчитанный по времени – этот злонамеренный укус был нанесен мной в момент наивысшего взлета страсти, – что она ни о чем и не догадалась.

В целом это была поистине незабываемая ночь, и прошло, должно быть, по меньшей мере четыре часа, прежде чем она в последний раз обняла меня и выскользнула из комнаты так же быстро, как и вошла.

На следующее утро я проснулся лишь в одиннадцатом часу. Я поднялся с кровати и раздвинул портьеры. Опять ослепительно светило солнце и было жарко. Так всегда начинается день в пустыне. Я понежился в ванне, затем, по обыкновению, тщательно оделся. Я чувствовал себя бодрым и отдохнувшим. Мысль о том, что я могу привлечь женщину в свою комнату с помощью одних лишь глаз даже в моем почтенном возрасте, делала меня очень счастливым. И какую женщину! Было бы интересно узнать, кто из них это был. Скоро я это узнаю.

Я неспешно спустился по лестнице в гостиную.

– Доброе утро, мой дорогой, доброе утро! – проговорил мистер Азиз, поднимаясь из-за небольшого письменного стола. – Хорошо провели ночь?

– Великолепно, благодарю вас, – ответил я, стараясь не выдать голосом самодовольства.

Он близко подошел ко мне, обнажая свои очень белые зубы. Его пронизательные глазки медленно передвигались по моему лицу, точно что-то искали.

– У меня для вас хорошие новости, – сказал он. – Пять минут назад звонили из Бир-Рауд-Селима и сообщили, что с почтовым грузовиком прибыл ваш приводной ремень. Салех сейчас его прилаживает, через час все будет готово. Поэтому после завтрака я отвезу вас туда, и вы сможете продолжить путь.

Я выразил ему свою благодарность.

– Очень жаль, что вы нас покинете, – сказал он. – То, что вы у нас побывали, доставило нам всем огромное удовольствие, огромное удовольствие.

Я позавтракал в столовой в одиночестве. Потом вернулся в гостиную, чтобы выкурить сигарету. Хозяин по-прежнему что-то писал.

– Прошу простить меня, – сказал он. – Я должен закончить кое-какие дела. У меня это не займет много времени. Я распорядился, чтобы ваш чемодан упаковали и отнесли в машину, поэтому вам не о чем беспокоиться. Присаживайтесь и закуривайте. Дамы вот-вот спустятся.

Первой явилась его жена. Она прошептывала в комнату, будучи более чем когда-либо похожа на ослепительную царицу Семирамиду, и первое, на что я обратил внимание, был бледно-зеленый шифоновый шарфик, небрежно повязанный вокруг шеи! Небрежно, но тщательно! Так тщательно, что шеи совсем не было видно. Женщина направилась прямо к мужу и поцеловала его в щеку.

– Доброе утро, мой дорогой, – сказала она.

Какая хитрая красивая стерва, подумал я.

– Доброе утро, мистер Корнелиус, – весело произнесла она, подходя ко мне и опускаясь в кресло напротив. – Хорошо провели ночь? Надеюсь, у вас было все, что нужно?

Никогда в жизни не видел я такой искорки в женских глазах, какую увидел в то утро в глазах этой женщины, и никогда не видел, чтобы женское лицо так светилось от удовольствия.

– Я провел очень хорошую ночь, благодарю вас, – ответил я, давая ей понять, что узнал ее.

Она улыбнулась и закурила. Я взглянул на мистера Азиза, который по-прежнему торопливо что-то писал за столом, повернувшись к нам спиной. Он не обращал ни малейшего внимания ни на свою жену, ни на меня. Да он, подумал я, точно такой же рогоносец, как и все другие, которых я награждал рогами. Ни один из них не мог поверить, что это может с ним случиться, да еще под самым носом.

– Всем доброе утро! – громко сказала дочь, вбегая в комнату. – Доброе утро, папа! Доброе утро, мама! – Она поцеловала их обоих. – Доброе утро, мистер Корнелиус!

На ней были розовые брюки и блузка цвета ржавчины, и разрази меня гром, если и вокруг ее шеи не был небрежно, но тщательно повязан шарфик! Шифоновый шарфик!

– Хорошо ли вы провели ночь? – спросила она и уселась на подлокотник моего кресла, точно юная невеста, скользнув бедром по моей руке.

Я откинулся и внимательно посмотрел на нее. Она ответила мне взглядом и при этом подмигнула. Она действительно подмигнула! Лицо ее пылало, и в глазах бегали в точности такие же искорки, как в глазах ее матери, и, если уж на то пошло, она казалась еще более довольной собой, чем ее мать.

Я пришел в некоторое замешательство. Только у одной из них были следы от укуса, которые нужно было замаскировать, однако обе прикрыли шею шарфиками. Я заключил, что это, быть может, и совпадение, однако больше это было похоже на заговор против меня. Судя по всему, они сговорились, чтобы помешать мне узнать правду. Все это чрезвычайно подозрительно! И какая тут преследуется цель? И что еще, позвольте спросить, замышляют они? Не тянули ли они накануне жребий? Или же они проделывали такое с гостями по очереди? Надо как можно скорее снова приехать сюда, сказал я самому себе, и только лишь затем, чтобы узнать, что произойдет в следующий раз. Да я могу специально заехать к ним через пару дней на пути из Иерусалима. Я рассчитывал на то, что приглашение будет получать нетрудно.

– Вы готовы, мистер Корнелиус? – спросил мистер Азиз, поднимаясь из-за письменного стола.

– Вполне, – ответил я.

Дамы, довольные и улыбающиеся, проводили нас до поджидающего меня большого зеленого «роллс-ройса». Я поцеловал им руки и пробормотал миллион благодарностей каждой. Затем сел рядом с хозяином, и мы тронулись. Мать с дочерью помахали мне на прощание. Я опустил стекло и тоже помахал им. Затем мы выехали из сада и покатали по пустыне, следуя каменистой желтой дорогой, огибавшей подножие Магары, а впереди нас вдоль дороги шагали телеграфные столбы.

Во время поездки мы с хозяином премило беседовали о том о сем. Я вовсю старался быть как можно более любезным, поскольку поставил перед собой цель еще раз побывать в его доме в качестве гостя. Если не удастся сделать так, чтобы он меня попросил об этом, придется напрашиваться самому. Я решил оставить это на последнюю минуту. «Прощайте, мой дорогой друг, – скажу я, нежно беря его за горло. – Могу я иметь удовольствие еще раз побывать у вас на обратном пути?» Конечно же, он не откажет.

– Я ведь не преувеличивал, когда говорил вам, что у меня красивая дочь? – спросил он.

– Вы преуменьшили ее достоинства, – ответил я. – Она просто красавица. Поздравляю вас. Но и жена ваша не менее красива. По правде, они обе меня с ума свели, – прибавил я, рассмеявшись.

– Я это заметил, – сказал он, рассмеявшись вместе со мной. – Такие гадкие девчонки. Ужасно любят флиртовать. Но я ничего не имею против. Что дурного во флирте?

– Ничего, – сказал я.

– Думаю, это просто забава.

– Да, это очень мило, – сказал я.

Не прошло и получаса, как мы достигли шоссе Исаилия – Иерусалим. Мистер Азиз направил «роллс-ройс» на гудронную дорогу и помчался к заправочной станции со скоростью семьдесят миль в час. Через несколько минут мы будем на месте. Поэтому я попытался завести речь об очередном визите, ненавязчиво напрашиваясь на приглашение.

– Не могу забыть ваш дом, – сказал я. – По-моему, он просто великолепен.

– Отличный дом, не правда ли?

– А вам там не скучно вдвоем?

– Не скучнее, чем если бы мы жили в каком-нибудь другом месте, – ответил он. – Людям везде скучно. В пустыне ли, в городе – по правде, большой разницы нет. Но у нас, знаете ли, бывают гости. Вы бы удивились, если бы я назвал вам число людей, посещающих нас время от времени. Вот вы, например. Нам было очень приятно принять вас у себя, мой дорогой.

– Я никогда этого не забуду, – сказал я. – В наши дни редко встретишь такое радушие и гостеприимство.

Я ждал, что он пригласит меня снова их посетить, но он ничего не сказал. Наступило молчание, несколько неловкое. Чтобы не затягивать его, я произнес:

– Мне кажется, вы самый заботливый отец, которого мне приходилось встречать в своей жизни.

– Вот как?

– Да. Надо же – построить дом неведомо где и жить в нем ради дочери, чтобы уберечь ее. По-моему, это замечательно.

Я увидел, что он улыбнулся, но не оторвал глаз от дороги и промолчал. На расстоянии мили от нас показалась заправочная станция и несколько хибар. Солнце стояло высоко, и в машине становилось жарко.

– Немногие отцы пойдут на такое, – продолжал я.

Он снова улыбнулся, но на этот раз несколько застенчиво. А потом сказал:

– Таких похвал, которые вы мне расточаете, я недостоин, право, недостоин. Если уж быть до конца откровенным, моя красавица-дочь – не единственная причина, чтобы жить в такой великолепной изоляции.

– Я это знаю.

– Знаете?

– Вы же мне говорили. Вы сказали, что другая причина – это пустыня. Вы сказали, что любите ее так же, как моряк любит море.

– Да, это так. И это правда. Но есть и третья причина.

– И в чем же она заключается?

Он не ответил. Он сидел, положив руки на руль, и неподвижно смотрел на дорогу.

– Простите меня, – сказал я. – Мне не нужно было спрашивать. Это не мое дело.

– Нет-нет, все нормально, – проговорил он. – Не извиняйтесь.

Я посмотрел в окно на расстилавшуюся перед нами пустыню.

– Похоже, сегодня еще более жаркий день, чем вчера, – сказал я. – Наверное, уже перевалило за сотню градусов.

– Да.

Я увидел, что он заерзал на месте, как бы желая поудобнее усесться, а потом сказал:

– Не пойму, почему бы мне не рассказать вам правду об этом доме. Вы мне не кажетесь болтуном.

– Такого за мной не водится, – заметил я.

Мы уже подъехали к заправочной станции, и он замедлил ход почти до скорости пешехода, чтобы успеть сказать то, что хотел сказать. Я увидел двух арабов, стоявших возле моей «лагонды». Они смотрели в нашу сторону.

– Эта дочь, – произнес он наконец, – та, с которой вы познакомились, – не единственная моя дочь.

– Вот как?

– У меня есть еще одна дочь, на пять лет ее старше.

– И несомненно, такая же красивая, – сказал я. – И где же она живет? В Бейруте?

– Нет, в доме.

– В каком доме? Не в том ли, который мы только что покинули?

– Да.

– Но я так и не увидел ее!

– Что ж, – сказал он и неожиданно повернулся ко мне, чтобы увидеть, как я прореагирую на его слова, – может, это и к лучшему.

– Но почему?

– У нее проказа.

Я так и подпрыгнул.

– Да, знаю, – сказал он, – это страшная вещь. У бедной девочки к тому же самая тяжелая форма – лепрозная. Очень стойкая и практически неизлечимая. Будь это узелковая форма, было бы намного легче. Но у нее лепрозная, вот вам и результат. Вот почему, когда у нас гости, она не выходит из своей комнаты на третьем этаже...

Должно быть, машина в этот момент уже остановилась возле заправочной станции, ибо следующее, что я помню, – это как мистер Азиз смотрит на меня своими маленькими умными глазками и при этом говорит:

– Но, дорогой мой, вам нет нужды так тревожиться. Успокойтесь, мистер Корнелиус, успокойтесь! Вам решительно не о чем беспокоиться. Это не очень заразная болезнь. Чтобы заболеть ею, нужно вступить в очень интимный контакт с больным...

Очень медленно я вышел из машины и так и застыл под палящим солнцем. Араб с обезображенным лицом ухмылялся мне и говорил:

– Приводной ремень на месте. Все в порядке.

Я полез в карман за сигаретами, но у меня так дрожали руки, что я выронил пачку на землю. Я наклонился и поднял ее. Затем достал сигарету и умудрился прикурить. Когда я поднял глаза, зеленый «роллс-ройс» находился уже в полумиле от меня».

Сделка

В тот вечер у Джерри и Саманты нас собралось человек сорок. Обычное сборище. Как всегда, было тесно и ужасно шумно. Чтобы быть услышанным, приходилось жаться друг к другу и кричать. Многие широко улыбались, обнажая белые зубные коронки. У большинства в левой руке была сигарета, а в правой – бокал.

Я отошел от своей жены Мэри и окружавших ее людей и направился к небольшому бару в дальнем углу. Усевшись на высокий табурет, я обернулся лицом к собравшимся. Сделал я это затем, чтобы можно было разглядывать женщин. Спиной я уперся в стойку бара и, потягивая виски, принялся поверх бокала рассматривать поочередно то одну, то другую женщину.

Я изучал не фигуры, а лица, и интересовало меня не столько само лицо, сколько большой красный рот. Если точнее – то не весь рот, а только нижняя губа. Не так давно я пришел к выводу, что нижняя губа о многом говорит. Она выдает больше, чем глаза. Глаза скрывают секреты. Нижней губе очень мало что удастся скрыть. Да взять хоть нижнюю губу Джасинт Винкельман, стоявшей ко мне ближе всех. Стоит обратить внимание на морщинки, на то, как некоторые из них идут параллельно, а другие лучами расходятся вверх. Ни у кого другого не увидишь такой рисунок губных морщинок, и согласитесь, что, имея в архиве отпечаток губы, можно поймать преступника, если на месте преступления он прикладывался к стакану. Когда сердятся, нижнюю губу посасывают и прикусывают, и именно это и делала сейчас Марта Салливан, наблюдая со стороны за тем, как ее бестолковый муж сюсюкает с Джуди Мартинсон. Губу облизывают, вожделя. Я видел, как Джинни Ломакс облизывает кончиком языка нижнюю губу и при этом не сводит глаз с лица Теда Дорлинга. То было преднамеренное облизывание; язык медленно высовывается и скользит вдоль всей нижней губы, оставляя влажный след. Я видел, как Тед Дорлинг смотрит на язык Джинни, а ей только это и нужно.

Похоже, это несомненный факт, говорил я про себя, переводя глаза с одной нижней губы на другую, что все самые непривлекательные человеческие черты – высокомерие, жадность, обжорство, сладострастие – наиболее отчетливо проявляются на этом маленьком розовом участке кожи. Однако надо знать шифр. Выпяченная или оттопыренная нижняя губа, по-видимому, означает чувственность. Но это лишь отчасти верно в отношении мужчин и совсем неверно, если иметь в виду женщин. У женщин нужно искать тонкую линию, узкую полоску с резко очерченным нижним краем. А вот у нимфоманки в центре верхней части нижней губы имеется едва заметный гребешок кожи.

Такой гребешок был у Саманты, хозяйки.

Кстати, а где Саманта?

Да вот же она – берет пустой бокал из рук гостя и направляется в мою сторону, чтобы его наполнить.

– Хэлло, Вик, – сказала она. – Ты не скучаешь?

Самая настоящая нимфоманка, отметил я про себя. Однако весьма редкая представительница этой породы, ибо исключительно и категорически моногамна. Замужняя моногамная нимфоманка, никогда не покидающая своего гнездышка.

А еще это самая соблазнительная бабенка, какую мне только приходилось встречать в жизни.

– Давай я помогу тебе, – сказал я, вставая со стула и беря у нее из рук бокал. – Что сюда налить?

– Водки со льдом, – ответила она. – Спасибо, Вик.

Она положила свою красивую длинную белую руку на стойку бара, подалась вперед, и груди ее легли на прилавок.

– А, черт, – сказал я, перелив водку через край.

Саманта посмотрела на меня своими огромными карими глазами, но промолчала.

– Я вытру, – произнес я.

Она взяла у меня наполненный бокал и пошла прочь. Я смотрел ей вслед. На ней были черные брюки. Они так тесно обтягивали ягодицы, что любая родинка или прыщик были бы видны сквозь материю. Однако зад Саманты Рейнбоу не имел недостатков. Я поймал себя на том, что и сам облизываю нижнюю губу. Все ясно, подумал я. Меня к ней тянет. Я испытываю влечение к этой женщине. А ведь это довольно рискованно. Попытка вступить в связь с такой женщиной равносильна самоубийству. Во-первых, она живет в соседнем доме, а это чересчур близко. Во-вторых, как я уже сказал, она моногамна. В-третьих, с Мэри, моей женой, их водой не разольешь. Они делятся друг с другом большими женскими секретами. В-четвертых, ее муж Джерри – мой очень старый и хороший друг, и даже я, Виктор Хэммонд, пусть и сгораю от желания, и не подумаю пытаться соблазнить жену человека, являющегося моим старым и преданным другом.

Хотя...

Именно в эту минуту, когда я сидел на высоком табурете и страстно желал Саманту Рейнбоу, в моем мозгу начала зарождаться интересная мысль. Я подождал, пока она не оформится со всей определенностью. Следя за тем, как Саманта идет по комнате, я принялся втискивать ее в рамки своей затеи. Ох и доберусь же я до тебя, Саманта, мое роскошное сокровище.

Разве можно всерьез надеяться на это?

Да ни за что на свете!

И думать нечего, если только Джерри не согласится. Лучше вообще выбросить все это из головы.

Саманта стояла неподалеку от меня, беседуя с Гилбертом Маккизи. Пальцами правой руки она сжимала высокий бокал. Пальцы у нее были длинные и почти наверняка проворные.

Предположим, смеха ради, что Джерри согласится, но даже тогда на пути возникнут огромные трудности. К примеру, существуют такие мелкие детали, как физические особенности. Я много раз мылся с Джерри в душе после тенниса, но сейчас, хоть убей, не вспомню то, что надо бы знать. Обычно на это и внимания не обращают. Стараются и не смотреть.

В любом случае было бы безумием сделать Джерри откровенное предложение. Настолько хорошо я его знал. Скорее всего, он придет в ужас. А то и станет угрожать. Может выйти безобразная сцена. Нужно поэтому как-нибудь незаметно его испытать.

– Послушай, – сказал я Джерри примерно через час, когда мы сидели на диване и допивали последний бокал.

Гости расходились, и Саманта стояла возле дверей и прощалась с ними. Моя жена Мэри разговаривала на веранде с Бобом Суэйном. Я видел их через открытую дверь.

– Хочешь, расскажу кое-что забавное?

– Ну? – произнес он.

– Один парень, с которым я сегодня обедал, рассказал мне фантастическую историю. Просто трудно поверить, что такое вообще может случиться.

– Что еще за история? – спросил Джерри.

От выпитого виски его клонило ко сну.

– Этот человек, тот, с которым я обедал, положил глаз на жену своего приятеля, живущего по соседству. А его приятель положил глаз на жену человека, с которым я обедал. Понимаешь, в чем дело?

– Ты хочешь сказать, что два парня, которые живут рядом, втюрились в жен друг друга?

– Именно, – ответил я.

– Так в чем проблема? – спросил Джерри.
– Проблема в том, – сказал я, – что обе жены – женщины верные и порядочные.
– Вот и Саманта такая же, – заметил Джерри. – Ни за что не посмотрит на другого мужчину.

– Мэри тоже, – сказал я. – Я в ней уверен.
Джерри допил виски и аккуратно поставил стакан на столик рядом с диваном.
– Ну и что же было дальше? – спросил он. – Довольно, по-моему, грязная история.
– А дальше случилось то, – сказал я, – что эти типы замыслили план и у каждого появилась возможность соблазнить жену соседа, притом жены так ничего об этом и не узнали. Если ты только можешь поверить в такое.

– Хлороформ пошел в ход? – спросил Джерри.
– Ничего подобного. Жены находились в полном сознании.
– Быть не может, – сказал Джерри. – Тебя просто надули.
– Не думаю, – возразил я. – Он мне такие подробности порассказал. Да я и без того уверен, что это правда. Они и потом не раз все это проделывали хотя бы раз в две-три недели, и так продолжалось несколько месяцев.

– И жены ничего не знали?
– Даже не догадывались.
– Должен выслушать твою историю, – сказал Джерри. – Но сначала выпьем.
Мы прошли к бару и снова наполнили бокалы, после чего вернулись на диван.
– Ты должен иметь в виду, – сказал я, – что это дело требует долгой предварительной подготовки. И чтобы иметь хоть какой-то шанс, что план сработает, им пришлось обменяться друг с другом множеством интимных подробностей. Однако в основе своей план прост. Они выбирали какую-то ночь, скажем с субботы на воскресенье. В эту ночь мужья и жены отправлялись спать как обычно, допустим в одиннадцать или в половине двенадцатого. Начиная с этого времени все идет как обычно. Супруги немного почитают, потом, быть может, немного поговорят, а потом выключают свет. Как только свет выключен, мужья немедленно отворачиваются и делают вид, что собираются заснуть. Это делается затем, чтобы жены не вздумали заигрывать, а на этой стадии подобное никак не допустимо. Тогда жены засыпают. А мужья нет. Пока все идет по плану. Затем, ровно в час ночи, когда жены глубоко заснут, мужья тихо выскальзывают из кровати, суют ноги в тапки и, в пижаме, осторожно спускаются вниз. Открыв дверь, они исчезают в ночи, при этом дверь за собой не закрывают. Они живут, – продолжал я, – почти напротив друг друга, через улицу. Это тихий пригородный поселок, и в такой час там редко кого встретишь, так что на улице можно увидеть только эти две фигуры в пижамах, направляющиеся в чужой дом, в чужую постель, к чужой жене.

Джерри внимательно слушал меня. Глаза его немного потускнели от алкоголя, но он старался не пропустить ни одного слова.

– Следующая часть плана, – продолжал я, – была тщательно продумана обоими. Каждый из них ориентируется в доме приятеля, как в своем собственном. Каждый знает, как пройти наверх или спуститься вниз, не опрокинув при этом мебель. Каждый знает, как добраться до лестницы, и сколько точно ступенек ведет наверх, и какая из них скрипнет, а какая нет. Каждый знает, с какой стороны кровати женщина спит. Каждый снимал тапки и оставлял их в холле, затем поднимался в пижаме наверх, ступая босыми ногами. Эта часть, если верить моему другу, всякий раз вызывает особое волнение. Человек находится в темном, погруженном в тишину доме, к тому же чужом, и на пути к спальне должен пройти мимо по меньшей мере трех детских комнат, двери которых всегда немного приоткрыты.

– Дети! – вскричал Джерри. – А что, если бы кто-нибудь из них проснулся и спросил: «Папа, это ты?»

– И это было предусмотрено, – ответил я. – В таком случае предполагалось немедленно прибегнуть к экстренным мерам. Экстренные меры пошли бы в ход и в том случае, если бы женщина проснулась, когда чужой муж прокрадывался в ее комнату, и спросила: «Что случилось, дорогой? Что ты бродишь?»

– Что еще за экстренные меры? – спросил Джерри.

– Все очень просто, – ответил я. – Тот, к кому обратились бы с таким вопросом, сбежал по лестнице, мчался в свой дом и звонил в звонок. Это был сигнал для его приятеля, чем бы тот в это время ни занимался, также пулей сбежать по лестнице, впустить в дом своего приятеля, а самому выбежать из дома. Таким образом, они оба вовремя оказывались в своих домах.

– И на лице у каждого все написано, – сказал Джерри.

– Ничего подобного, – возразил я.

– Да звонок весь дом поднимет на ноги, – заметил Джерри.

– Разумеется, – сказал я. – И муж, поднявшись наверх в пижаме, просто-напросто скажет: «Я ходил узнать, кто это там трезвонит в такой час. Никого нет. Должно быть, какой-то пьяный».

– А что же другой парень? – спросил Джерри. – Как он объяснит то, что бросился вниз, когда к нему обратилась его собственная жена или ребенок?

– Он скажет: «Мне показалось, что кто-то чужой бродит вокруг дома, вот я и побежал, чтобы схватить его, но там никого нет». – «А ты видел кого-нибудь?» – с тревогой спросит его жена. «Конечно видел, – ответит муж. – По улице бежал какой-то человек. За ним и не угнаться». После чего мужа горячо поблагодарят за храбрость.

– О'кей, – произнес Джерри. – Тут все ясно. До сих пор все можно рассчитать. Но что происходит, когда один из этих рогатых типов залезает в постель жены своего приятеля, а тот забирается в постель его жены?

– Они приступают к делу, – ответил я.

– Но ведь жены спят, – сказал Джерри.

– Верно, – согласился я. – Так что эти парни незамедлительно и очень умело начинают ласкать дамочек, и те, едва проснувшись, уже умирают от желания.

– Полагаю, разговоры при этом не ведутся, – сказал Джерри.

– Нет, не произносится ни слова.

– О'кей, итак, жены проснулись, – сказал Джерри, – и они тоже пускают в ход руки. Но вот ответь-ка мне для начала на простой вопрос: как насчет роста и веса? Ведь есть же разница между этим парнем и ее мужем? Один может быть высоким, другой – ниже, один толстым, другой – худым. Что ты на это скажешь? Уж мне-то не рассказывай, будто эти парни одинаковой комплекции.

– Конечно нет, – ответил я. – Но они более или менее одинакового роста и веса. Это существенно. Оба гладко выбриты и имеют примерно одинаковое количество волос на голове. Такого рода сходство распространено. Посмотри, например, на нас с тобой. Мы ведь примерно одного роста и телосложения, не правда ли?

– Разве? – удивился Джерри.

– Ты сколько ростом? – спросил я.

– Ровно шесть футов.

– А я пять футов одиннадцать дюймов, – сказал я. – Разница в один дюйм. А сколько ты вешишь?

– Сто восемьдесят семь фунтов.

– А я сто восемьдесят четыре, – сказал я. – Что такое три фунта между друзьями?

Наступило молчание. Джерри смотрел на мою жену Мэри, стоявшую на веранде. Мэри по-прежнему беседовала с Бобом Суэйном, и заходящее солнце освещало ее волосы. Тем-

новолосая красивая женщина с неплохой грудью. Я взглянул на Джерри и увидел, как он высунул язык и провел им по нижней губе.

– По-моему, ты прав, – сказал Джерри, не спуская глаз с Мэри. – Телосложения мы примерно одинакового.

Когда он снова повернулся ко мне лицом, на его щеках распустились розочки.

– Расскажи-ка еще что-нибудь про этих двух парней, – сказал он. – Чем-то ведь они отличаются друг от друга?

– Ты имеешь в виду их лица? – спросил я. – Но в темноте невозможно разглядеть лица.

– Я не о лицах говорю, – сказал Джерри.

– А о чем же?

– Я говорю об их членах, – сказал Джерри. – Вот в чем все дело, разве не понимаешь? Ты ведь не хочешь мне сказать, что...

– Как раз это я и хочу сказать, – сказал я. – Вопрос только в том, подвергались они обрезанию или нет. Все остальное не имеет значения.

– Ты что, серьезно думаешь, что у всех мужчин члены одинаковых размеров? – спросил Джерри. – Но ведь это же не так.

– Знаю, что не так, – согласился я.

– У некоторых огромные члены, – продолжал Джерри. – А у некоторых просто крошечные.

– Бывают исключения, – сказал я ему. – Но ты бы удивился, когда бы узнал, у скольких мужчин члены одинаковых размеров, разница всего-то на какой-нибудь сантиметр. По словам моего друга, у девяноста процентов мужчин члены нормальных размеров. И только десять процентов имеют члены чрезмерно большие или явно маленькие.

– Не верю, – сказал Джерри.

– Это нетрудно проверить, – сказал я. – Поинтересуйся у какой-нибудь опытной девицы.

Джерри сделал большой глоток виски, и взгляд его вновь устремился поверх стакана в сторону Мэри, стоявшей на веранде.

– Ну и чем все кончается? – спросил он.

– Дальше нет проблем, – сказал я.

– Скажешь тоже, нет проблем, – заявил он. – Знаешь, почему все это, по-моему, басни?

– Валяй.

– Всякому известно, что муж и жена, женатые несколько лет, привыкают друг к другу. Это неизбежно. Да черт побери, нового труженика тут же вычислят. Это и тебе понятно. Нельзя же вдруг наброситься на женщину, применяя совершенно новые приемы, и при этом рассчитывать, что она этого не заметит, как бы она ни была распалена. Да она в первую же минуту почует неладное!

– Приемы можно скопировать, – сказал я. – Если только заранее обменяться всеми секретами.

– Это несколько интимно, – заметил Джерри.

– Все мероприятие интимно, – сказал я. – И поэтому каждый выкладывает все. Говорит, что он обычно делает. Ничего не утаивая. Все. Все, что требуется. Рассказывает о том, как это у него заведено, – от начала до конца.

– О господи, – вымолвил Джерри.

– И каждый, – продолжал я, – должен выучить новую роль. По сути, нужно стать актером. Ибо приходится кого-то играть.

– Непростое дело, – сказал Джерри.

– Как считает мой друг, тут нет проблем. Единственное, чего нужно опасаться, – это чтобы не увлечься и не начать импровизировать. Нужно действовать строго в соответствии с авторскими ремарками.

Джерри сделал еще глоток. Потом снова взглянул на Мэри, стоявшую на веранде. После чего откинулся на диване, сжимая в руке стакан.

– Эти два парня, – спросил он, – они что, правда провернули это дело?

– Еще как, – ответил я. – До сих пор проворачивают. Примерно раз в три недели.

– Фантастическая история, – произнес Джерри. – Но чертовски трудное это дельце. Только представь себе, сколько будет шуму, если тебя поймают. Мгновенный развод. Если точнее, два развода. По одному на каждой стороне улицы. Не стоит того.

– Тут нужна смелость, – заметил я.

– Уже поздно, – сказал Джерри. – Все расходятся вместе со своими женами, черт бы их побрал.

После этого я уже ничего не говорил. Мы посидели еще пару минут, потягивая свои напитки, пока гости перемещались к прихожей.

– Другу твоему понравилось? – спросил вдруг Джерри.

– Он говорит, что это нечто, – ответил я. – Он говорит, что из-за риска это в сотню раз сильнее любого другого удовольствия. Он клянется, что нет ничего лучше, чем когда играешь роль мужа, а жена об этом ничего не знает.

В этот момент в комнату вошла Мэри с Бобом Суэйном. В одной руке она держала пустой бокал, а в другой – азалию цвета яркого пламени. Она сорвала азалию на веранде.

– Я следила за тобой, – сказала она, наводя на меня цветок, точно револьвер. – В последние десять минут ты рта не закрывал. Что он тебе рассказывал, Джерри?

– Грязную историю, – усмехнувшись, ответил Джерри.

– Он только это и делает, когда выпьет, – сказала Мэри.

– История любопытная, – сказал Джерри. – Но совершенно неправдоподобная. Пусть он тебе ее как-нибудь расскажет.

– Не люблю грязных историй, – сказала Мэри. – Пойдем, Вик. Нам пора.

– Постой, – сказал Джерри, устремив свой взор на ее великолепную грудь. – Выпьем еще.

– Нет, спасибо, – ответила она. – Дети, наверное, уже кричат, хотят ужинать. Мы отлично провели время.

– Ты разве не поцелуешь меня на прощание? – спросил Джерри, поднимаясь с дивана.

Он потянулся к ее губам, но она быстро увернулась, и он успел лишь коснуться ее щеки.

– Оставь, Джерри, – сказала она. – Ты пьян.

– Совсем не пьян, – возразил Джерри. – Просто я возбужден.

– Надеюсь, я тут ни при чем, мой мальчик, – резко проговорила Мэри. – Я не люблю такие разговоры.

Она направилась к двери, выставив перед собой свою грудь, точно стенобитное орудие.

– Пока, Джерри, – сказал я. – Мы хорошо повеселились.

Мэри ждала меня в прихожей, всем видом выражая недовольство. Рядом стояла Саманта, провожая последних гостей, – Саманта, с ее проворными пальцами, гладкой кожей и стройными, опасно манящими бедрами.

– Выше голову, Вик, – бросила она мне, оскалив свои белые зубы. Она показалась мне центром мироздания, началом жизни, первым утром. – Доброй ночи, Вик, – сказала она, и мне почудилось, будто ее пальцы проникают в самое мое нутро.

Я вышел вслед за Мэри из дома.

– Ты хорошо себя чувствуешь? – спросила она.

– Да, – ответил я. – А почему ты спрашиваешь?

– Ты столько пьешь, что любого другого уже давно бы стошнило, – ответила она.

От дома Джерри нас отделяет старая живая изгородь, и в ней есть щель, которой мы всегда пользуемся. Мы с Мэри молча пролезли в эту щель. Затем вошли в дом, и она приготовила огромную яичницу с ветчиной, которую мы съели вместе с детьми.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.